

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 82-3:2

DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10209

Протоиерей Николай Буткин

РОМАН «ВИНОГРАДАРИ. ЧАСТЬ III. ДЕТСКАЯ ЭКСКУРСИЯ»¹

Аннотация. В настоящей публикации вниманию читателей предлагается третья часть романа протоиерея Николая Буткина (1882–1937) «Виноградари», названная автором «Детская экскурсия», в которой продолжается повествование о жизни послереволюционного Шадринска. Как и в предыдущих частях романа «Виноградари», повествование ведется от лица священника Григория Загуменных (литературный псевдоним протоиерея Николая Буткина). Описываемые события относятся к первой половине 1919 года². После страшных разрушений

---

¹ Настоящая публикация продолжает публикацию романа «Виноградари». Первые части см.: Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. I. Сеятель» / *вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 289–376; Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. II. Обреченные» / *публ. и прим. С. Г. Буткиной* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 1 (13). С. 210–272; Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. II. Обреченные» (окончание) / *публ. и прим. С. Г. Буткиной* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 1 (17). С. 259–329.

² В начале июля 1918 года город занимают чешские войска, советская власть свергнута. Лишь в начале августа 1919 года в Шадринск вошли красные войска, и вновь устанавливается советская власть.

гражданской войны в городке начинается налаживание жизни. Но «...как много детей <...> лишены самого естественного блага: ласки родительской и лакомого кусочка», — думает о. Григорий; «...он видел, как раздраженная от горя и нужды мать щедро наделяет колотушками мешающих ей малышей»; «...на сердце легла мысль взять детей в экскурсию» — в Далматовский монастырь, дать возможность детям из беднейших семей, полубеспризорникам, прикоснуться к Источнику воды живой. «...наше путешествие не пикник и не гулянье», — объясняет о. Григорий богатой благотворительнице и поясняет, что после увиденного и пережитого сердце ребенка всколыхнется мыслью, что «религия и Церковь Христова открывают незабываемые моменты восхищения и срастворения с природой». Удивительными встречами и открытиями дарит это путешествие не только детей... Обратный путь «по правому берегу Исети превратился в сплошной триумф». По сообщению местной прессы, в паломничестве участвовало до 800 человек.

Ключевые слова: *протоиерей Николай Буткин, Григорий Загуменных, история Церкви на Урале, Шадринск, Далматовский монастырь, детская экскурсия.*

Цитирование. Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Часть III. Детская экскурсия» / *вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 214–257. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10209

Протоиерей Николай Буткин — весьма известный в начале XX в. своими проповедями, миссионерской деятельностью и публикациями в дореволюционной периодике пастырь. Жизнь и деятельность, а также обзор письменного наследия отца Николая уже были опубликованы ранее³, поэтому мы остановимся лишь на некоторых моментах, касающихся романа «Виноградари».

Автобиографический роман «Виноградари» сохранился в следующих частях:

---

³ Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. I. Сеятьель» / *вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 289–376. См. также: *Парфенова Е. Г.* Вопросы возрождения церковной жизни в духовном наследии и деятельности протоиерея Николая Буткина (начало XX века) // Церковь. Богословие. История: мат.-лы IV Междунар. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 108–117.

— Сеятель. Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132 (Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой). Тетр. VIII. Л. 1–84. Двусторонний рукописный текст формата общей тетради, о событиях в г. Шадринске в 1916–1917 гг.;

— Обреченные. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132 (Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой). Тетр. IX. Л. 1–97.

— Детская экскурсия. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132 (Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой). Тетр. X. Л. 1–37 об.

— Тревожные дни. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132 (Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой). Тетр. X. Л. 38–63.

Роман «Виноградари», повествующий о церковной жизни в г. Шадринске в 1918–1919 гг., состоит из нескольких частей. При публикации первой части мы условно обозначили часть романа под названием «Сеятель» как первую. Однако в рукописи содержится указание на то, что часть «Сеятель» является продолжением романа «Виноградари». Это позволяет предполагать, что существовали части, предвалявшие «Сеятель», но в настоящее время не дошедшие до нас. Ниже публикуется третья часть романа, названная автором «Детская экскурсия». В тексте пунктуация современная, титлы раскрыты, твердый знак в конце слов убран, неупотребляемые ныне буквы заменены на соответствующие буквы современного алфавита. Разделительным знаком (||) отмечаются границы между листами рукописи.

Вступ. ст., публикация и примечания С. Г. Буткиной

Сведения об авторе вводной статьи и издателе. Буткина Светлана Георгиевна — сотрудница Министерства финансов Свердловской области, студентка Свято-Филаретовского православно-христианского института, член Уральского церковно-исторического общества (г. Екатеринбург). *E-mail: butkinasg@yandex.ru*

Список литературы

1. Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. I. Сеятель» / *вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 289–376.
2. Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. II. Обреченные» (окончание) / *публ. и прим. С. Г. Буткиной* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 1 (17). С. 259–329.

Роман «Виноградари. Часть III. Детская экскурсия»

3. Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. II. Обреченные» / публ. и прим. С. Г. Буткиной // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 1 (13). С. 210–272.
4. В субботу пятыя седмицы, на утрени // Триодъ Постная. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2002. Л. 323 об. – 335.
5. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. 168. Оп. 8. Д. 27; Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 110, 361.
6. Желтов М. С., Заикина Н. А. Великое славословие // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 511–514.
7. Иовлева В. Н. Улицы Шадринска. Шадринск, 2002.
8. Народная газета. 1919. № 102. 16 мая; № 136. 29 июня.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132 (Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой).
10. Парфенова Е. Г. Вопросы возрождения церковной жизни в духовном наследии и деятельности протоиерея Николая Буткина (начало XX века) // Церковь. Богословие. История: материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 108–117.
11. Пашков А. А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007.
12. Последование общего молебна // Часослов. М.: Московская Патриархия, 1980. С. 276–296.
13. Послужной список протоиерея градо-Шадринского Спасо-Преображенского собора Николая Григорьевича Буткина // Архив Екатеринбургской духовной семинарии. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–25.

Archpriest Nikolay Butkin

NOVEL “THE VINEYARD LABORERS”.

Part 3. Children’s Excursion

In this publication readers are offered a third part of the novel “The Vineyard Laborers” by archpriest Nikolay Butkin (1882–1937); the part entitled “Children’s Excursion” continues a story about the post-revolutionary life of the city of Shadrinsk. As in the previous parts of the novel, the narrative is made on behalf of the priest Gregory Zagumennykh (the literary pseudonym of archpriest Nikolay Butkin). The described events took place in the first half of 1919. The city life started to get better after the terrible destruction of Civil war. Still, there were “...so many children <...> deprived of the most natural good: parents’ care and something tasty to eat”, assumed Fr. Gregory. “He saw irritated with constant grief mothers who were so tired of poverty that punched their babies in despair”. So Fr. Gregory had “...an in-

spiration to take the children for a trip” — to the Dalmatovsky Monastery, to allow those who were nearly street children from the poorest families to touch “the well of springing water”. “Our journey is neither a picnic nor a stroll”, Fr. Gregory explained to a rich benefactress clarifying that as soon as the children have this experience their hearts would be stirred up by the thought that “religion and the Church of Christ can provide unforgettable moments of admiration reuniting people with nature”. That trip had brought wonderful meetings and new revelations not only to children... Their way back “along the right bank of the Iset river has turned into a continuous triumph”. According to the local media report there were up to 800 people that took part in the pilgrimage.

Keywords: *Archpriest Nikolay Butkin, Gregory Zagumennykh, history of Church in the Urals, Shadrinsk, Dalmatovsky Monastery, children's excursion.*

About the author of the introductory article and the publisher. Butkina Svetlana Georgievna — an official of the Ministry of Finance of the Sverdlovsk Region, a student of the St. Philaret Orthodox Christian Institute, a member of the Ural Church and Historical Society (Ekaterinburg). *E-mail: butkinasg@yandex.ru*

Citation. Butkina S. G. (ed.). Butkin N., Archpr. Roman «Vinogradari. Chast' III. Detskaia ekskursiia» [Novel “The Vineyard Laborers”. Part 3. Children's excursion]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2018, no. 2 (22), pp. 214–257. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10209

References

1. Butkina S. G. (ed.). Butkin N., prot. Roman «Vinogradari. Ch. I. Seiatel'» [Butkin N. Novel “The Vineyard Laborers. Part 1. The Sower”]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2014, no. 2 (8), pp. 289–376.
2. Butkina S. G. (ed.). Butkin N., prot. Roman «Vinogradari. Ch. II. Obrechennyie» [Novel “The Vineyard Laborers. Part 2. The Doomed Ones”]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2016, no. 1 (13), pp. 210–272.
3. Butkina S. G. (ed.). Butkin N., prot. Roman «Vinogradari. Ch. II. Obrechennyie» (okonchanie) [Novel “The Vineyard Laborers. Part 2. The Doomed Ones” (Final part)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2017, no. 1 (17), pp. 259–329.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv g. Shadrinska (GASh)* [State Archive of Shadrinsk city]. Stock 168. L. 8. Dos. 27; Stock R-172. L. 1. Doss. 110, 361.
5. Iovleva V. N. *Ulitsy Shadrinska* [The Streets of Shadrinsk]. Shadrinsk, 2002.
6. *Narodnaia gazeta — People's Newspaper*, 1919, no. 102 (May, 16); no. 136 (June, 29).
7. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO)* [Combined State Archive of the Chelyabinsk Region]. Stock R-467. L. 3. Dos. 132.
8. Parfenova E. G. *Voprosy vrozozhdeniia tserkovnoi zhizni v dukhovnom nasledii i deiatel'nosti protoiereia Nikolaia Butkina (nachalo XX veka)* [Issues of the revival of church life

Роман «Виноградари. Часть III. Детская экскурсия»

in the spiritual heritage and activity of archpriest Nikolay Butkin (in the early 20th century]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istorii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 5–6 fevralia 2016 g.)* [The Church. Theology. History: materials of the 4th International Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, 5th–6th February, 2016)]. Ekaterinburg, 2016, pp. 108–117.

9. Pashkov A. A. *Bor'ba za vlast' v Shadrinskom uezde Permskoi gubernii (1917–1920)* [Struggle for Power in Shadrinsk district of the Perm county (1917–1920)]. Shadrinsk, 2007.

10. Posledovanie obschago molebna [The Order of Public Prayer]. *Chasoslov* [The Horologion]. Moscow: Moskovskaia Patriarkhiia, 1980, pp. 276–296.

11. Posluzhnoi spisok protoiereia grado-Shadrinskogo Spaso-Preobrazhenskogo sobora Nikolaia Grigorievicha Butkina [The Service Record of Nikolay G. Butkin, an archpriest of the Transfiguration Cathedral in Shadrinsk]. In: *Arkhiv Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Archive of the Ekaterinburg Theological Seminary]. Stock 1. Dos. 1. Fols. 23–25.

12. V subbotu piatyia sedmitsy, na utreni [On Saturday of the Fifth Week, at Matins]. *Triod' Postnaia* [Triodion of the Lent]. Moscow: Izdatelskii sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2002. Fols. 323^r–335.

13. Zheltov M. S., Zaikina N. A. Velikoe slavoslovie [Great Doxology]. *Pravoslavnaia entsiklopediia — Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2004, vol. 7, pp. 511–514.

Протоиерей Николай Буткин (1882–1937). Фотография 1920-х гг.

Протоиерей Николай Буткин

ВИНОГРАДАРИ

Часть III. Детская экскурсия¹

С водворением девочки Кати² в доме Загуменных наступил счастливый мир. *л. 2* Матушка нашла в ней свою задачу жизненную и всей душой отдалась воспитанию ребенка. Воспитание было строгое, но любовь материнская сквозила всюду, и девочка ее чувствовала, а потому и привязывалась к матери глубоко и искренне.

О. Григорий не вмешивался в дело воспитания Кати, но он не выносил, когда при нем с ребенком обращались круто или ставили в угол. Когда, приходя домой со службы, || он находил дочь в углу, лицом к стене, он сейчас же подбегал к ней и, лаская, *л. 2 об.* брал Катю на руки. Матушка протестовала, но он искренне говорил:

— Прости, Надя³! Но не могу ни есть, ни дело делать, видя ее наказанной.

Что было делать матушке? Она доказывала вред попустительства, стращала тем, что ребенка можно испортить. Батюшка слушал, а Катюшка всем тельцем прижималась к папулику и нельзя было оторвать ее. Он уговаривал ее просить прощения у мамы. И история кончалась примирением.

— Прости, мамочка, — сквозь слезы лепетала дочь. Мать легко прощала, целуя Катю, и тут начиналось прыгание, возня с папашей от радости. Шум || и возня, однако, *л. 4* скоро прекращались. Садилась за стол, тогда матушка рассказывала мужу какую-нибудь из причуд дочери. Девочка росла бойкой, и причуд было немало. Эти разговоры сближали супругов, на душе у обоих было хорошо и весело.

Так, день за днем, углублялся мир в доме Загуменных, и батюшка проникался желанием возблагодарить чем-либо Господа. Думать много не пришлось. Катя и здесь дала направление мысли. Стараясь сделать безмятежно-счастливым ее детство, о. Григорий

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132 (Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой). Тетр. X. Детская экскурсия. Л. 1–63 об.

² Появление девочки в семье отца Григория Загуменных подробно описано в части II романа «Виноградари» — «Обреченные» (Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. II. Обреченные» (окончание)... С. 283). Возможно, в какой-то части это описание изменено, но то, что в семье о. Николая была приемная дочь Екатерина (род. 7 ноября 1908 г.), известно из его послужного списка (Послужной список протоиерея градо-Шадринского Спасо-Преображенского собора Николая Григорьевича Буткина // Архив Екатеринбургской духовной семинарии. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–25).

³ Надей в своем повествовании прот. Николай назвал жену Клавдию Федоровну.

не мог не почувствовать, как много детей, которых он видел за занятиями в храме, лишены самого естественного блага: || ласки родительской и лакомого кусочка. Нередко, посещая с требами бедные избы, он видел, как раздраженная от горя и нужды мать щедро наделяет колотушками мешающих ей малышей. Те поднимали рев, но выглядели такими грязными, неприбранными, что, несмотря на жалость, подойти к ним было противно. Школьников-подростков дома тоже колотили, ругали, грубо помыкая ими. Что говорить, жизнь многих из детей преследовала, как Ирод Христа-Младенца.

И вот однажды, в сумерках, неся на руках Катю и убаюывая ее рассказами, о Григорий вдруг ощутил желание устроить для детей отдых, хоть на несколько дней. На сердце легла мысль взять детей в ЭКСКУРСИЮ⁴ и за это время окружить их самым л. 5 неж-||ным вниманием и попечением. «Пусть покушают всласть, погуляют, поиграют», — думал о Григорий.

Свою мысль он сейчас же поведал жене и, о счастье! — матушка нашла идею вполне достойной, ухватилась за нее крепко и изъявила горячее желание непременно самой поехать в экскурсию с Катей. После этого о Григорий так взлелеял мечту о путешествии с детьми, что не хотел и слышать каких-либо возражений. А возражений нашлось немало со стороны, когда сделалось известным его намерение. Говорили о том, что слишком большую ответственность за ребят надо брать на себя, что затея будет л. 5 об. хлопотливая и нужно будет много людей. Но главным козы-||рем всех критиков предприятия было, конечно, то возражение, что экскурсия потребует очень много средств. А где их взять? Кто бы и дал, да будут рассуждать так, что это дело пустое, роскошь, без которой вполне можно обойтись.

О Григорий сознавал, что многие из горожан действительно склонны смотреть на его идею, как на пустую забаву. Это было и досадно, и раздражало. Поехали с матушкой к Яковлевым⁵, чтобы в беседе дружеской развеять сомнения.

— Ничего, отец! — похлопывая по плечу, успокаивал батюшку Владимир Дементьевич. — То, что родилось в сердце с именем Божиим на устах, не отдавай без борьбы. Потрудись, похлопочи и, увидишь, Бог поможет. ||

л. 6 Утешала и Александра Алексеевна:

— Я сама поеду, если хотите, возьму своих старших девочек. Вот вам и будет кому хлопотать за приготовлением обедов. Да и много ли детям нужно? Ведь не избалованных поведете, а бедняков. Ну, а эти и кусочкам с сахарком будут рады, как гостинцам.

Загуменных не совсем благосклонно принял последние слова. Но хозяйка, в оправдание свое, начала рисовать такие картины бедности детей, что было жутко слушать ее.

⁴ Выделение по тексту рукописи.

⁵ Владимир Дементьевич Яковлев — друг и духовный единомышленник прот. Николая, служил воспитателем в Шадринском детском доме. История их сближения и дружбы приведены в первой части романа «Виноградари» — «Сеятель» (Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Ч. I. Сеятель»... С. 343–345, 349–353). Фамилия, имя и отчество не изменены. Удалось установить историчность этого человека. По списку служащих Шадринского детского дома № 1 от 20 января 1921 года Владимир Дементьевич Яковлев числится инструктором, а Александра Алексеевна Яковлева — старшим руководителем (ГАШ. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 361. Л. 14, 14 об.). В фондах Шадринского государственного архива сохранились письма В. Д. Яковлева при инспектировании состояния детского приюта в г. Далматове и содержания в нем детей (ГАШ. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 110. Л. 26–28 об.).

— Ох, батюшка, — заключила она, — вы все же мало знаете жизнь. Но уж если начали думать о бедноте и нищих — верьте, это Бог внушает вам добрую мысль. ||

От Яковлевых ушли успокоенными. Матушка совсем случайно захватила от них *л. 6 об.* книжку. Когда пришли домой, о. Григорий заинтересовался книжкой. То был роман Гюго «Человек, который смеется».

— Ох, Надя, ты уж дай мне, я прочту сначала, — уговаривал жену батюшка, — я часто читывал ссылки на эту книгу.

Матушка не противоречила, и о. Григорий сейчас же занялся чтением. В результате его он нашел совсем неожиданное подкрепление своей идее. Это мы увидим лучше всего из его беседы с матушкой по поводу книжки Гюго.

— Ты взволнован книжкой? — спросила его матушка, видя как о. Григорий, возбужденный, ходит с книжкой по кабинету. ||

— Ты угадала, Надя, — охотно отвечал на вопрос жены батюшка. Но думая не *л. 7* столько о книжке, сколько о том, как кстати попала она в мои руки.

— Что же ты нашел в ней?

Они сели, и о. Григорий прочел отмеченные карандашом строки, где автор говорит о бедноте. «Часто мать не имеет постели для ребенка и вынуждена копать в земляном полу ямку, чтобы положить в нее дитя».

— Это, как есть, ясли Христовы, — заметила матушка.

— Вот именно, — с увлечением подхватил ее мысль о. Григорий. — Только до сих пор я видел в яслях одно смирение Господа, а теперь чувствую и укор.

— Укор — кому или чему? — спросила матушка. ||

— Нам, христианам, нашей цивилизации. Ты подумай только, — воодушевлял *л. 7 об.* батюшка, — люди строят дворцы, театры, храмы, памятники, асфальтируют дороги, заливают электрическим светом улицы, иллюминируют огнями ночное небо, устраивают в окнах магазинов самые роскошные выставки, не жалеют денег на кораблестроения, на прием артистов. Ведь платят же Шаляпину по 100 000 рублей за выход. И в то же время мирятся с этими ямками в земле для новорожденных. Как хочешь — это ужасно!

— Но ведь бедные всегда были и есть. Чего же ты хочешь?

— Ах, Надя! Неужели ты не понимаешь, что пренебрежение к бедным грозит нам, наконец, катастрофой. ||

— Ты ее хочешь устранить? *л. 8*

— Ну, где уж нам думать об этом? К тому же, Суд уже при дверях. Но лично мы должны делать все, чтобы не осложнять и не увеличивать общей вины перед бедными.

— Ты, значит, нашел в книжке для себя подкрепление?

— Безусловно. Я смею даже сказать, что это Сам Господь ободрил меня, так как очень уж кстати подвернулась нужная книжка.

— Как веруешь, так и делай. Я вполне разделяю твоё намерение, — заключила матушка, вставая. Батюшка благодарно поцеловал ее. В этот момент в кабинет вбежала Катя.

— Ты что же, мама, оставила меня? — бросилась она к матери с укором. ||

— Ну-ну, дочь, — придерживая матушку, ласково говорил о. Григорий, — не все *л. 8 об.* же с тобой матери быть, она и мне нужна.

— Так она же с тобой, папочка, и так всю ночь бывает, — невинно защищалась девочка.

— Ха-ха-ха! — смеялся батюшка. — Вот так сказала.

Матушка тоже улыбалась, обняв дочь.

— Ну, пойдем уж, — встала она, взяв Катю за руку. — Бухнет вот так при людях — стыд.

Но батюшка не унимался. Он весело присел перед дочкой и сказал:

— Так значит, днем мама твоя, а ночью моя?

— Когда я сплю. А проснусь — позову ее, — деловито уточняла девочка странный договор.

- л. 9 С того дня все внимание Загуменных сосредоточилось на осуществлении детской экскурсии. Сначала он хотел заинтересовать идеей общество. Собирал братские собрания⁶ и докладывал, как должна быть организована детская экскурсия. Братство слушало, намечало нужных людей для дела, высчитывало, сколько и чего потребуется для ребят⁷. По ходу и заинтересованности собеседования о. Григорий заключал, что его затея для многих любя. Учительницы, дамы общества⁸ изъявляли пред ним желание помочь и принять деятельное участие в путешествии. О средствах пока не заговаривали, но посланные в села и попутные деревни, а также и в самый Далматов⁹, люди привезли
- л. 9 об. вполне благоприятные сведения. О[тец] нас- || тоятель с братией принять гостей не отказывались, хотя, по скромности, и жаловались на стесненные обстоятельства. Депутаты успокоили их, обещая, по указанию о. Григория, вознаграждение обители. Еще лучше встретили весть о путешествии детей деревенские жители. Они с радостью обещали для детей и приют, и угощение. Поощренный таким сочувствием, о. Загуменных списался с батюшками попутных сел, прося их оповестить об экскурсии и, со своей стороны, посодействовать устройству детей на ночлег. Батюшки обещали сделать все, что в их силах, и предлагали даже устроить встречу детей крестным ходом. Отзывчивость местных ба-
- л. 10 тюшек порадовала инициатора дела. Тем с большей уверенностью присту- || пил он к записи детей. Решили на собрании Братства брать на свою ответственность с 9-ти лет и

⁶ Собрание в 1916 году о. Николаем Симеоновского православного братства в Шадринске подробно описано в части I романа «Виноградари» — «Сеятель» (Буткин Н., *прот.* Роман «Виноградари. Ч. I. Сеятель»... С. 312–375).

⁷ Об организации жизни в братстве можно судить по его уставу, дошедшему до нас в архивных документах 1924 года «Материал регистрации Симеоновского братства при Спасо-Преображенском соборе». В 24-х параграфах устава изложены цели и задачи братства, его состав и управление делами. В § 9 записано: «Признавая, что жизнедеятельность Братства должна протекать при тесном общении его членов, Братство стремиться достичь последнего через частые собрания вслух членов в храм. Здесь выслушиваются речи по вопросам веры и жизни, поются молитвы, читается Евангелие и по поводу прочитанного произносится поучение священником или мирянином. На этих собраниях Совет братства знакомит членов Братства с деятельностью своею и намечает для себя ближайшие задачи. Ежегодно созывается годичное торжественное собрание Братства, <...> где читается отчет о состоянии дел Братства, с предварением собрания Литургией, с причащением на ней Св. Таин приготовившихся членов Братства» (ГАШ. Ф. 168. Оп. 8. Д. 27. Л. 5–6 об.).

⁸ Говорится о тех учительницах и дамах общества, с которых в 1916 году началась работа по привлечению детей в храм. Из них образовался круг наставниц для проведения регулярных занятий с детьми по возрастным группам (Буткин Н., *прот.* Роман «Виноградари. Ч. I. Сеятель»... С. 322).

⁹ Речь идет о Далматовском Успенском монастыре Курганской области.

до 13-ти. Ниже 9-ти лет принимать только в сопровождении родителей. По настоянию батюшки, распорядители экскурсии постановили давать преимущество деревенским детям и, в первую голову, бедноте. Сейчас же, после Пасхи, стали заполнять и проверять списки. Женщины ходили по домам будущих экскурсантов, беседовали с родителями, обследовали, есть ли во что прилично одеть ребенка. Неимущих снабжали от Братства и, так[им] обр[азом], обеспечивали полное знакомство с детьми.

Наступил момент, когда вся предварительная работа по экскурсии была окончена. Надо || было позаботиться о средствах. Тут как раз подошла Неделя самарянки¹⁰. л. 10 об. Евангелие, читаемое в этот день на Литургии, было одним из самых любимых о. Григорием¹¹. Он воспринимал его не умом только, но рисовал в воображении самые захватывающие картины. Немудрено поэтому, что его проповедь о воде живой на этот раз взволновала всех богомольцев.

— О, не думайте, что живая вода, — говорил проповедник, — находится где-либо глубоко в земле, так что требуется не только ум и много труда, но еще и удача, чтобы отыскать ее. Не воображайте также, что надо облететь моря и горы, чтобы достичь чудодейственного Источника, утоляющего жажду души. Нет, вода живая, разумеемая Господом, — кругом нас. Это — природа, || небо, лес, горы, поля. Это — люди, л. 11 наши ближние. Это, наконец, животные малые с великими, травка, цветы, нивы зеленющие, так как на всем в мире отображена тайна Божия.

Тут у проповедника произошла словно борьба с собой. Ему хотелось без конца показывать примеры могущественного влияния на нас природы. Но задача, которую он ставил себе в проповеди, удерживала его. Он поэтому обратился к рассмотрению действительного положения вещей.

— «Все это не живит нас», — возразит иной. Согласен. Но почему, — спрошу я. Не потому ли, что не умеем смотреть и не имеем сердца чуткого?

Тут о. Григорий сел на своего конька: обвинял людей, с одной || стороны, в гру- л. 11 об. бости, с другой, в чрезмерном пристрастии к книге.

— Книга часто, как навязанные темные очки, не помогает, а мешает человеку смотреть и чувствовать вещи по-своему. В школах часто не упражняют ум и сердце подростка в наблюдении мира, а подсовывают ему чужой опыт и чужие мысли. Оттого, чем больше книг читают, тем становятся учение, но сердце черствеет. Великие умы не с книг начинали, а с личных наблюдений и опыта.

Тут о. Григорий рассказал кое-что о детстве знаменитого ученого Линнея¹² и перешел к детям.

— Как мало видят из окружающего мира большинство наших детей! И как ничтожна мерка, || которой мы, старшие, черпаем для них капли воды живой. л. 12

¹⁰ Неделя 5-я по Пасхе.

¹¹ Ин 4. 6–38.

¹² Карл Линней (1707–1778) — ученый-естествоиспытатель. С детства увлекся наблюдением за миром растений. Благодаря многолетним наблюдениям он определил наличие полов у растений. Это открытие было создано на основе изучения строения пестиков и тычинок. До этого времени считалось, что растения лишены половых признаков. В 1735 году К. Линней представляет свой выдающийся труд, под названием «Система природы». Эта работа ученого и легла в основу классификации видов растений и животных и положила конец существованию полного хаоса в классификации объектов живого мира.

И проповедник правдиво раскрыл пред слушателями горькую судьбу многих из детей, лишенных ласки, ухода. Люди поникали головами, некоторые плакали. Злосчастная судьба беспризорных детей сжимала сердце болью. Но о. Григорий заканчивал речь призывом: «Давайте хоть раз в жизни откроем для детей наши сердца и дружно, общими силами, сделаем для самых бедных из них праздник».

После Литургии Тася З[олотури]на¹³ передала батюшке приглашение от известной богачки — жены местного фабриканта — зайти к ней на днях, когда будет л. 12 об. можно. Это было приятно для Загуменных, так как обещало боль- || шую поддержку экскурсии, а потому на следующий же день, захватив с собой Тасю, о. Григорий отправился с визитом.

Ал. Ив. К-на¹⁴ приняла их любезно. В гостиной с бархатной мебелью, сидя в кресле у круглого стола, гости обменивались с хозяйкой короткими фразами о делах церковных и скоро свели разговор на экскурсию.

— Меня очень интересует Ваша затея, — говорила Ал. Ив.¹⁵, — и я хотела бы слышать от Вас все, что Вы можете сказать мне об этом.

О. Григорий поклонился, выразив готовность удовлетворить желание хозяйки.

— Почему Вы избрали целью путешествия Далматов? Там и святыни нет никакой.

л. 13 — Так ведь мы и идем не паломниками, а в простую экскурсию. || Чтобы на поля посмотреть, воздухом просторов подышать и вкусить все прелести свободы или отдыха. Далматов тем хорош для этой цели, что дорога туда интересна: леса, поля, река, деревень и сел достаточно.

— А не далеко будет для детей расстояние в 50 верст? Почему бы Вам просто не сходить с ними в поле? И угостили бы, и распустили скоро, избавив себя от такой громоздкой работы?

Батюшка сразу потерял бодрость, опустил голову и словно съежился, ожидая удара. Нельзя было не заметить этой перемены, и г-жа Ко-на¹⁶ ее заметила.

— Простите, батюшка. Я, кажется, не поняла Вас и сказала глупость. Но будьте снисходительны и растолкуйте мне, какое у Вас намерение? Верьте, не простое лю- || л. 13 об. бопытство руководит мной, а желание помочь Вам.

— Благодарю Вас, многоуважаемая Ал. Ив.¹⁷, — сдержанно, не без теплоты в голосе отвечал Загуменных. — Если Вы имели намерение помочь экскурсии, не пред-

¹³ Золотурин Анастасия Леонтьевна. Родилась в г. Шадринске в 1893 году. Дочь директора Шадринского казначейства Леонтия Варфоломеевича Золотурина. Она окончила консерваторию и давала частные уроки музыки в дореволюционном Шадринске. Тася (как все ее называли) — активный член Симеоновского братства, а особым возложенным на нее попечением была благотворительность. Это дело она не прекращает и после того, как постановлением Шадринского окружного исполкома от 22 февраля 1926 г. Симеоновское братство при Спасо-Преображенском соборе объявляется закрытым, а о. Николая Буткина ссылают в Уфу.

¹⁴ Этот первоначально выбранный псевдоним для изображения заинтересовавшейся экскурсией фабрикантки о. Николай в дальнейшем повествовании заменяет на подлинную фамилию Шадринской благотворительницы. См.: прим. 21.

¹⁵ См.: прим. 14.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

ставляя как следует ее задач, то, я надеюсь, Вы отнесетесь к ней несравненно с большим участием, когда узнаете, ради чего я беру детей в Далматов.

— И вы мне скажете об этом? — с ноткой скромности спросила хозяйка.

— Охотно, дорогая Ал. Ив.¹⁸

— Тогда слушаю, — садясь поудобнее, заметила собеседница.

— Видите, Ал. Ив.¹⁹, — начал батюшка, — хотя я сказал, что мы идем не паломниками, все же наше путешествие не пикник и не гулянье. Вы помните, в Евангелии говорится, как Христос увел народ из селений || на три дня пути в горы? л. 14

— Это, кажется, было перед чудом насыщения 5-ю хлебами? — скромно спросила Тася З[олотури]на²⁰.

— Да, пусть это уточнит мою мысль. Это тоже не было паломничеством, но люди шли и день, два, три и, не рассеиваясь никакой работой по хозяйству, торговле или ремеслу, должны были так или иначе почувствовать контраст теперешнего положения с тем, в каком они обычно живут.

Тут батюшка остановился, словно ожидая вопроса, но его не хотели прерывать.

— Само по себе это противопоставление свободы и отдыха деловой жизни не много значит, — продолжал батюшка. — Наполните отдых весельем, угощением, песнями, и вы ничего не получите от этих утех в результате, как только || лень возвра- л. 14 об.
щаться к рабочей будничной жизни и ненависть к труду.

— Ах, как вы правы, батюшка, — не удержалась г-жа Кондакова²¹. — Но извиняюсь, что прервала, продолжайте, пожалуйста.

— Отдых и свобода только тогда достигают цели, когда с ними будет связано новое содержание жизни, чтобы человек ясно понял, что есть другой план жизни, более существенный и нужный для души.

— Вполне разделяю вашу мысль, — снова отозвалась г-жа Кондакова. — Но что же вы можете дать детям такого? Да и поймут ли они вас?

— О, учить мы будем их всего меньше. Но их окружают самым нежным вниманием. Откроют пред ними красоту полей, летнего дня. А потом представьте тихий вечер. Мы подходим к селу. Оттуда слышен радостный трезвон. А || вон, навстречу идут с крестным л. 15
ходом. Женщины, дети. Мы выстраиваемся и начинаем петь, ну, хотя бы Высшую²². Процессии сходятся, батюшка приветствует нас поклоном, улыбкой, и мы идем вместе, про-

¹⁸ См.: прим. 14.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: прим. 13.

²¹ Екатерина Павловна Кондакова (в первом браке — Бутакова) — известная в Шадринске благотворительница, жертвовавшая на церковные дела в соборе и дела милосердия, осуществляемые братством. Она проживала на Тюфяевской улице (ныне Советская) и была последней владелицей льнопрядильно-ткацкой фабрики, национализированной у нее после революции. Сын Е. П. Кондаковой и Е. И. Бутакова Сергей Ефимович Бутаков (1905–1968) впоследствии стал одним из создателей на Урале лаборатории по исследованию воздушной среды и промышленной вентиляции — профессор, доктор технических наук (Иовлева В. Н. Улицы Шадринска. Шадринск, 2002. С. 94).

²² «Высшая» — это распространенное песнопение, которое обычно исполняют в конце общего молебна. Начинается словами «Высшую небес и чистшую светлостей солнечных, избавляющую нас от клятвы, Владычицу мира песнями почтим». Текст песнопения полностью см.: Последование общаго молебна // Часослов. М.: Московская Патриархия, 1980. С. 292–293.

должая петь уже более торжественную Похвалу Богородице²³. Как вы думаете, не западет ли в душу ребенка эта картина и не всколыхнет ли она его сознание плодотворной мыслью, что религия и Церковь Христова открывают незабываемые моменты восхищения и срастворения с природой?

— Ах, батюшка! Вы так говорите, что, кажется, и я все брошу и пойду с Вами, — оживляясь, говорила Кондакова²⁴.

— Значит, Вы теперь согласны, что экскурсия наша — не пустая затея, — осмел. л. 15 об. лев, спрашивал ее || о. Григорий.

— Ох, Вы уж не сердитесь на меня, батюшка. Ведь все, что Вы делаете, так непривычно и исключительно. В данном же случае меня спутывало главным образом то, что Вы идете с детьми, а они ничего не смогут понять как следует.

— Вы и теперь так же думаете? — спросил испытующе Загуменных.

— Нет, теперь я на Вашей стороне, но если у Вас есть лишний аргумент в пользу детей, сообщите мне, не раскаетесь, — многообещающе подчеркнула собеседница.

— Аргумент у меня не сложный, да и не словесный даже. Я просто вспоминаю свое детство. С каким рвением, бывало, я просил папашу взять меня на богомолье, л. 16 об. когда брали из церкви иконы и шли с народом в поле! А когда мы вы- || ходили с процессией в поле, ну, право же, я чувствовал себя в каком-то ином, большом, чудесном храме. Все — и березы, и поляна, и небо — казались таинственными и целиком захватывали сердце. Но это не все. Впрочем...

— Говорите, говорите, батюшка, — поощряла г-жа Кондакова²⁵, — Вы не можете надоесть.

— Хорошо, — спокойно продолжал Загуменных. — Я хотел сказать, что в детстве, гостя у дедушки, недалеко от Далматова²⁶, я каждый вечер влезал на крышу у дома и часами просиживал здесь, смотря на виднеющиеся колокольни церквей. Церкви монастырей высились предо мной, как видения, и я терял с землей, кажется, вся- л. 16 об. кую связь. Какой-то иной мир чаровал сердце. || Я пил воду живую из чаши самого космоса. Думаю поэтому, что и другие дети могут пить из этой чаши и будут так же счастливы, как был когда-то я.

Тут батюшка, посмотрев на Тасю²⁷, встал, желая откланяться. Хозяйка тоже поднялась.

— Слушать Вас, батюшка, готова долго, — любезно говорила она, — но знаю, что спешите на дело. А потому позвольте поблагодарить Вас за посещение и такую интересную беседу. В отношении экскурсии скажу: делайте дело уверенно. Все расходы по этой части я беру на себя.

²³ Возможно, в виду имеется исполняемый на утрени субботы 5-й седмицы Великого поста Акафист в честь Пресвятой Богородицы, начинающийся словами «Взбранной Воеводе победительная». Текст см.: В субботу пятая седмицы, на утрени // Триодь Постная. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2002. Л. 323 об. – 330.

²⁴ См.: прим. 21.

²⁵ Там же.

²⁶ Известно, что дедушка о. Николая по линии матери, Евфимий Павлович Фёдоров, с 1887 года служил священником в селе Ключевском в 21 км от Далматова. У него, скорее всего, гостил о. Николай в детстве.

²⁷ См.: прим. 13.

О. Григорий с удивлением смотрел на нее, но потом несмело заметил:

— Вы хотите не просто дать сколько-нибудь, а..., — он остановился, словно не доверял себе. ||

— Ну что же, не договариваете? — с улыбкой смотрела на батюшку г-жа Кондакова. — Или я не ясно выразилась? Я хочу освободить Вас от лишних хлопот и беспокойства. Собирайте детей, организуйте путешествие как надо лучше, что нужно покупайте по счетам на меня, я обещаю оплатить все.

Батюшка был растроган и не знал, как благодарить. Спасибо, Тася²⁸ выручила его. Она порывисто бросилась к хозяйке и, целуя ее, говорила:

— Какая вы, право, милая, добрая. Вы совсем осчастливили батюшку.

За этот момент о. Григорий пришел в себя и, шутя над Тасей, сказал:

— Я боюсь, что Тася Вас зацелует. Она ведь не помнит себя от радости. || Однако л. 17 об. на этот раз я ее не удерживаю. Вы действительно добры чрезвычайно, и я счастлив засвидетельствовать это.

Батюшка крепко пожал благотворительнице руку и направился к выходу. Когда на собрании Братства он сообщил, что г-жа Кондакова²⁹ дает для экскурсии нужные средства, впечатление было огромное.

— Вы видите, Господь за нас и показывает Свое благоволение к нашему делу, — направлял о. Григорий мысли людей в нужное русло. — Постараемся же для Славы Божией.

И подготовка к экскурсии развернулась вовсю. Детей записывали, кого нужно из них обряжали, закупали гостинцев. Приобрели котел для приготовления обедов, т. к. большинство детей шло из деревень, то мужики охотно дали для экскурсии подводы с лошадей — || ми. Их набрали 11. На 12-ой должны были ехать матушка с Катей. л. 18 Заготовление провизии и налаживание пунктов для обедов или ужинов поручили Ал[ександре] Ал[ексеевне] Яковлевой³⁰. Днем выхода назначили 1-ое июня.

Немало страхов натерпелся о. Григорий за аккуратный выход с экскурсией. В конце мая ударили холода, а 29 мая выпал даже снег. Загуменных кипятился. Срыв расписания маршрута, разосланного по пути следования, мог нарушить весь план путешествия.

— Зачем нервничаешь, отец? — успокаивал батюшку с кроткой улыбкой Владимир Дементьевич³¹.

— Но ты пойми, — горячился Загуменных, — там готовят, стряпают для нас, а мы не придем. ||

— Если и так, что особенного? Молоко у крестьян есть всегда, а хлеб за день не л. 18 об зачерствеет.

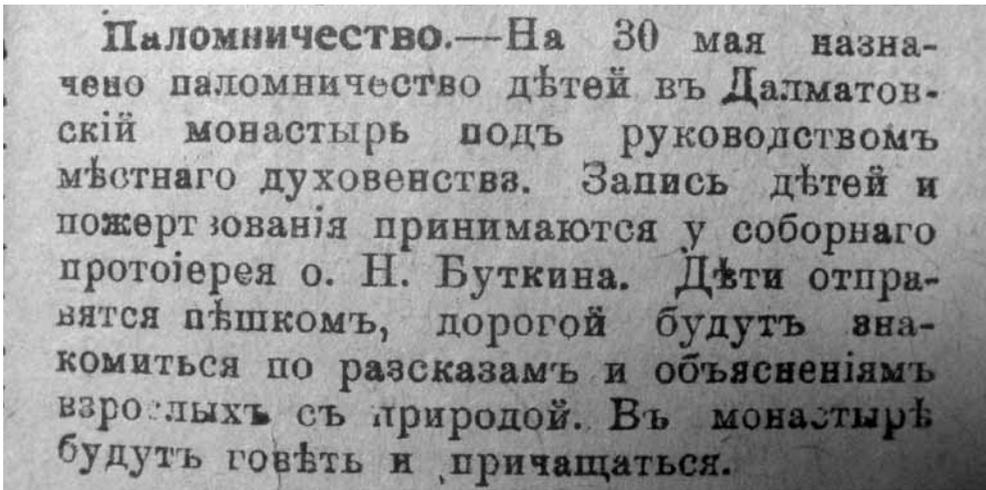
О. Григорий сознавал резонность этого рассуждения, но продолжал беспокоиться. Владимир Дементьевич пристально посмотрел на него.

²⁸ См.: прим. 13.

²⁹ См.: прим. 21.

³⁰ См.: прим. 5.

³¹ Там же.

Ил. 1. Народная газета. 1919. № 102. 16 мая

— А ты ведь, отец, не о хлебе и пирогах беспокоишься, — сказал он проникновенно.

Как пойманный грешник, покраснел Загуменных перед другом и опустил голову. Про себя он действительно думал не о срыве маршрута, а о том — неужели Господь не благоволит к этому путешествию? Ведь холода, да еще снег в такое время совсем необычны. Думать так было мучительно, и втайне он молился. Но открыт своего сомнения не хотел никому. Однако друг, видимо, проник в его душу. ||

л. 19 об. — Ты думаешь, не надо беспокоиться? — спросил о. Григорий, глазами и пожатием руки давая понять товарищу, что он разумеет сокровенную причину волнения.

— Если и беспокоишься — не грех, по-моему, — серьезно лаская друга взглядом, ответил Владимир Дементьевич. — Разве Гедеон грешил, когда, получив повеление, просил все же знамения?

— Я также полагаю, что не сомнения тут виноваты. Как дитя держится за руку матери, так душе, посвятившей себя Богу, нужно знамение от Него, чтобы больше было любви.

— Так верь же, что Господь укрепит любовь твою, — решительно сказал Яковлев, целуя руку друга.

л. 19 об. К вечеру же о. Григорий стал спокойнее. Погода потеплела, снег || растаял, а 30-го солнце сияло и теплило совсем по-летнему. О. Григорий сиял, и только друг его знал, какую цену имеет радость Загуменных.

Утром, 1 июня, о. Григорий служил раннюю Литургию и в 8 часов велел благовестить в большой колокол к сбору экскурсантов³². Храм быстро наполнился детьми, их матерями, путешественниками-добровольцами. Детей записывали, распределяли в

³² Новостная заметка об этом событии опубликована в шадринской прессе (Народная газета. 1919. № 102. 16 мая; № 136. 29 июня).

группы, сдавали надзирательницам³³. Так как все было намечено и подготовлено ранее, то теперь хлопот было немного. С продуктами, посудой, запасной одеждой и аптекой также провозились недолго. Подводы были нагружены. 3 подводы были свободными для подсаживания уставших. Поскору отслужили напутственный молебен и стали выстраиваться. Впере- || ди шел крестный ход с духовенством и певцами. Пели 112-ый л. 20 псалом «Хвалите, отроцы, Господа». За крестным ходом шел в епитрахили поверх белого подрясника с посохом о. Григорий. Его окружали братчицы-паломницы. За ними трое подростков несли: средний — икону праведного Симеона, а по бокам 2 детских хоругви, приготовленные из золотой парчи с знаменьем креста. Дети шли, мальчики и девочки вместе, по 8 человек в ряд, начиная с малышей. Таких рядов составилось больше 30. Всех детей зарегистрировано было 287. В деревнях ожидали пополнения.

Шли по городу медленным шагом. По улицам всюду стояли зрители, наблюдая исключительное || событие. Многие присоединялись к процессии, желая проводить л. 20 об. экскурсантов за город. Народу накапливалось, картина становилась внушительной. Детей, однако, не стесняли. О. Григорий внимательно следил за этим. Они шли довольные, празднично одетые, и так мило было смотреть на них. Что испытывали матери? Страшились ли они, что отпустили в дальнейшее путешествие? Но они видели впереди надежного пастыря, а по бокам с детьми шли такие ласковые няньки, руководительницы. Смуцало ли их то, что дети не взяли на дорогу ничего съестного? Но взгляд их оставивался на нагруженных подводах, где полно было припасов, да не только хлеба, а и сыру, колбаски, даже конфет. И матери радовались, втайне благодаря Господа за || детей своих. На долю последних выпало счастье быть героями дня и не сегодня только, л. 21 а и завтра, и послезавтра, за все время экскурсии. И как эти ребята, еще вчера полуодетые, голодные, наполовину беспризорные, вдруг поднялись в сознании и почувствовали себя в центре внимания старших? Если кто мог задуматься над этим, того не могли не тронуть отчетливо подаваемое канонархом для пения богомольцев стихи псалма.

«Кто яко Господь, Бог наш!
 На смиренные призирая и
 Воздвизаяя от земли нища
 И от гноища возвышая убога.
 Вселяя неплодную в дом
 Матерь о чадах веселящуюся»³⁴.

Глубоко чувствовал мысли псалмопевца о. Григорий и не хо- || тел, чтобы певцы, л. 21 об. пока шли городом, пели что-нибудь другое. Псалом повторяли раз за разом.

Скоро процессия, миновав город, подошла к роще, откуда дорога шла прекрасным хвойным лесом целых 4 или 5 верст. Здесь экскурсантов предстоятель в ризе осенил святым крестом, пожелав счастливого пути, и крестный ход двинулся обратно. Фотограф сейчас же расположил фотоаппарат, чтобы заснять детей и батюшку с путешественниками. Спорить не стали, снялись и теперь, уже вольным порядком, но не распуская ребят, двинулись дальше. Как шли и что было потом — все это было занесено в дневник о. Загуменных, который мы полностью нашли в его церковной летописи. Вот эти интересные записи. ||

³³ См.: прим. 11.

³⁴ Пс. 112.

Ил. 2. Село Красномылье. Церковь Вознесения Господня

л. 22

Дневник путешествия с детьми в Далматов³⁵ 1919 года

Прошли за день 19 верст. Шли бодро, малышей, правда, подсаживали, но и то девочек. Мальчики же настроены были весело и готовы были даже играть на пути. И удивляться нечему. Ведь они на свободе отдыхали и кушали как никогда, наверное, дома. А погода? Лучше не надо. Холода вместо препятствия сослужили службу. Солнце печет, но не чувствуется жары и духоты. Дышится легко.

³⁵ Далматов монастырь. Слово имеет двойную орфографию — Далматов/Долматов. Назван по имени его основателя Далмата (Долмата) Исетского. В современных текстах пишут — Далматов.

Очень хорошо провели первую остановку. Привал сделали сейчас же за рощей. Дети пестрым ковром расселись группами по поляне. Прямо перед ними в са- || же- л. 22 об. нях 25-ти спокойно текла река. Направо, вдали, крышами на солнце белела деревня, а напротив ее, за рекой, ближе к нам, красиво высилась каменная колокольня села Кр[асномыль]ского³⁶. Сосновый лес позади защищал от ветра. В такой час хорошо посидеть на просторе полей. Сейчас же погружаешься в тихие волны заласканной солнцем природы.

Но дети щебечут как птички. Им раздают завтрак. Полбулки белой на каждого, колбаски чайной по три кусочка, сыру, чашка чаю с сахаром и по 2 конфетки в бумажках. Очень довольны. Кое-где начали было вскакивать и бегать, но идти еще много, и я усадил шалунов. А чтобы занять детей, рассказал им Житие св. праведного Симеона³⁷.

После этого руководительница затеяла с ребятами игру: что кому больше всего нравится из открываю- || щихся видов и почему. Спрашивали старших из школьников. л. 23 Указывали на реку, на солнечные дали, но больше всего говорили о лесе. Он и в самом деле стоял стеной и манил какой-то тайной. Одна девочка не постеснялась сказать:

— Мне, вон, церковь нравится.

Ее спросили, почему.

— Так она не похожа на все другое.

Что-то родное послышалось мне в этом наивном объяснении. Я благодарно поцеловал в лобик умного ребенка. Время было идти, и мы с пением акафиста пророку Илии, двинулись в деревню. У часовни нас встретили крестьяне. Женщина приглашала детей покушать. Распределили детей по 3, по 5 на дом. Староста, как представитель общины, устроил || столы в ограде на 50 человек. Ему помогала Ал[ександра] л. 23 об. Ал[ексеевна] Яковлева³⁸. Подавали суп и кашу. Я заходил в дома 3 посмотреть, как кушают дети. Хорошо. На столе каша, молоко и свежие калачи. Рад за ребят. Когда собрались перед часовней вновь, от сердца благодарили добрых прихожан за радушный прием. Трое мальчиков запросились с нами; с согласия матерей взяли. До села С[ухрин]ского³⁹ идти 7 верст. Снова вступили в густой сосновый бор. Дорога узкая, песчаная. Благо, после холодов песок сыроватый, пыли нет. Но до чего силен запах сосны! Дышать прямо наслаждение. Старшие мальчики просят собирать шишки. Позволили, с условием не разбегаться. Богомолки пели со мной службу Казанской Б[ожией] М[атери]. Больше часа шли, затерянные в густом || лесу. Обрадовались, уви- л. 24 дев наконец сквозь деревья открывающиеся дали. Вышли на простор. И какая красота!

Река подошла близко к дороге. Берега, густо окаймленные черемухой и акацией с той стороны, а наш берег открытый. Кругом луга, покрытые густо выпирающей из земли травой. Впереди ясно видна церковь и далеко раскинувшееся село. Вид после леса удивительно приятный. В добавление из кустов слышалось звонкое пение малиновки. Мы остановились у берега. Ребята просили пить. Разрешил. Так чиста казалась

³⁶ Село Красномыльское расположено в 16 км от г. Шадринска. Сельская церковь Вознесения Господня была построена в 1825 году.

³⁷ Праведный Симеон Верхотурский. В честь этого святого было названо братство при Спасо-Преображенском соборе г. Шадринска.

³⁸ См.: прим. 5.

³⁹ Село Сухринское — в прошлом центр Сухринской волости.

Ил. 3. Река Исеть

вода! К тому же все они привыкли к сырой воде. Шуму старались не делать, чтобы не спугнуть птичек. Да и очарование местностью было велико у всех. Вдруг || дети на- л. 24 об. рушили молчание возгласами: «Звонят!». Издали действительно доносился трезвон.

— Идут с крестным ходом встречать нас. Стройтесь.

И мы пошли стройной процессией с пением Славословия великого⁴⁰. Солнце еще стояло у края неба. Тихий вечер. Поля, свершающие молчаливую молитву уходящему солнцу. Приятный звон колоколов, и на фоне этой мирной картины приближающийся крестный ход. Дети смотрели весело, их глаза сияли, видно было, что они глубоко захвачены впечатлениями. Ну и слава Богу!

Две встречных процессии слились вместе и вошли в село с дружным, внушительным пением «Взбранной Воеводе»⁴¹. У домов стояли люди, с любопытством рассматривая наших ребят. Немало присоединялось к процессии. Так || что к храму л. 25 подошли, окруженные чуть не всем селением. В церкви выслушали краткое моление и приветственное слово местного батюшки. На дворе в школе рассадили детей за столы чай пить. Хлеба, молока вдоволь несли крестьянки. На ночь главную массу ребят поместили в школе, а остальных разместили по квартирам.

День второй

День выдался трудный. Лишь только проснулся, матушка сообщила новость. Мальчишки бегают по селу, говорят: «Стрелять пойдем». Неприятно резануло по сердцу. Матушка же смеялась над проказниками и заступалась:

— Ты уж не будь строг. Это же озорство.

Распорядился задержать стрельцов и привести ко мне. Скоро представлены бы- || ли пятеро подростков. «Что вы, голодны, что ли?», — спросил я строго. л. 25 об.

— Нет, мы баловали. — Разъяснил им, что такими поступками бросается тень на все дело, и отослал к надзирательнице.

Больше инцидентов не было, и мы вышли в дорогу мирно, провожаемые трезвоном колоколов и напутствиями батюшки и его пасомых. Малышей на этот раз рассадили на 5 подвод, так как дорога предстояла длинная и надо было беречь силы. Старшую группу вел сегодня сам. Немало дорогой беседовали. Мальчики расспрашивали, где я учился. Рассказывал им о семинарии. Конечно, не анекдоты, а просто быт и учение семинаристов. Говорил, как на уроках читали Библию, говорили проповеди. Как встречали иногда епископа. Сколько восторга было, когда он сам заме- || щал препода- л. 26 вателя и начинал объяснять урок или из Писания, или из истории Церкви. Так беседуя, еще раз убедился, что бытовые рассказы увлекают детей не меньше, чем сказки.

Кто-то из старших подал мысль, чтобы я рассказал что-нибудь и об Академии⁴². Раз это интересовало спутников, нельзя было отказываться. Я останавливался на застольных беседах и спорах. Говорил, как много работают некоторые студенты. Какая огромная библиотека при Академии, как пишут сочинения, вспоминал прелестный парк, где студенты отдыхают, думают и беседуют с Богом, особенно монахи.

⁴⁰ Великое славословие — древний христианский гимн, начинающийся с евангельского стиха «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк 2. 14). Об этом гимне см.: *Желтов М. С., Заикина Н. А.* Великое славословие // *Православная энциклопедия.* М., 2004. Т. 7. С. 511–514.

⁴¹ «Взбранной Воеводе» — первый кондак Акафиста Пресвятой Богородице.

⁴² Отец Николай Буткин с 1903 по 1907 годы учился в Казанской духовной академии.

Ил. 4. Село Сухринское. Фото 2007 г.

— А разве в Академии есть монахи?

— Есть, — отвечал я.

л. 26 об.

Тут меня заставили уже взрослые расказа-|| зать, как посвящают в монашество. Отложил беседу до стоянки. Остановились скоро, снова среди поля. Ребят угощали хлебом с маслом и чаем с конфетками. У некоторых пришлось залечивать мозоли. Впрочем, не очень беспокоились. После того как все уладили и ребяток подкормили, начал рассказывать о чине пострижения в монашество. Приходилось, конечно, не просто передавать порядок чинопоследования, но объяснять смысл пострижения, останавливаться на обетах иночества — ради чего монах отрекается от мира. Не мне судить, каков был рассказ, но, кажется, не утомял и подчеркнуто изобразил драму отрешения от мира.

Пошли дальше. Дети, пользуясь случаем с мозолями, запросились снять обувь. л. 27 Охотно разрешил, так как || дорога была сухой и мягкой. Но у самого ноги натерло сильно, а сесть на телегу не хотелось. До деревни дошел, ничего. Тут ребят угощали обедом, заранее приготовленным хлопотами Ал[ександры] Ал[ексеевны] Яковлевой⁴³. Ее штат обслуживал нас великолепно. На этот раз дети кушали суп и просынную кашу. Двор, где по очереди садились за столы ребята, был густо наполнен любопытными женщинами и мужчинами. Расспрашивали, куда и зачем веду детей. Беседа с ними прошла с пользой. Из сочувствия несли хлеба и молока. Спасибо.

Отдыхали несколько больше, чем положено. А идти до села, где должен быть ночлег, оставалось верст 10. Но ничего. Вышли из деревни в строю с хоругвями и л. 27 об. с пением «Высшую». || В деревне ноги мои полечили, как будто идти можно. Шел

---

⁴³ См.: прим. 3.

Ил. 5. Далматовский Успенский монастырь, 1913 г. Фото С. М. Прокудина-Горского

возле подводы, где ехали матушка с Катей. Дочка чувствует себя великолепно, болтает с матерью без умолку. Наш разговор вскоре прервали. Надзирательница позвала осмотреть мальчика, видимо, произошло расстройство желудка. Матушка взялась поухаживать. Дали пареньку церковного вина, уложили на телегу с теплым компрессом. «Ничего, пройдет», — успокаивал я вслух. А у самого на сердце екнуло. Ребенок лежал спокойно. Надо было настроение поддерживать. Запели акафист св. праведному Симеону⁴⁴.

Ноги мои все же уставали. Да и день кончался, солнце садилось, а мы идем, и со стороны села не видно никого. Пришли усталые. Батюшка местный куда-то уехал. || Приходилось самим распорядиться, как находили нужным. Плохо то, что у меня ноги л. 28 разболелись и требовали отдыха. Но положиться было на кого, и я удалился с семьей на покой.

День третий

Утром слушал доклад о том, в каком состоянии дети, как вчера устроились. Слава Богу: больной мальчик поправляется. Его взяли на диету. Ночевали ребята частью в школе, а частью в церкви с разрешения церковного старосты.

Выходить не торопились, хотя к 7-ми часам уже все поднялись. Надо было накормить детей, да и отдохнуть дать после длинного перехода. В начале 11-го, поправившись со всем, двинулись к Далматову. Предстояло пройти до него только 12 верст. ||

⁴⁴ Праведному Симеону Верхотурскому.

л. 28 об.

Ил. 6. Юго-западная башня Далматовского Успенского монастыря. В советское время здесь был гальванический цех завода «Молмашстрой». Современный вид

Погода великолепная, идти было легко, хотя сам я прихрамывал. Но и у меня при- было сил, когда, поднявшись на горку из низины, мы, как на картине, увидели белые стены монастырского кремля и сверкающие солнцем его церкви.

Красив монастырь издали, что ни говорить! Хотел бы слышать серебристый мягкий звон его колоколов, как это бывало в детстве. Ах, золотое детство! Вот когда ты так живо стоишь передо мной и даешь вновь, с небывалой силой почувствовать твое счастье! Я шел, очарованный видением и забывши все вокруг. Скоро, однако, меня окликнули, спрашивая, будем останавливаться или нет. Конечно, отдохнуть надо было. Мне хотелось подготовить детей к достойному вступлению в монастырь.

Почти 300 лет назад основан был Далматовский монастырь на пус- || тынном месте⁴⁵. Кругом не было ни селений, ни людей. Но с тех пор как поставлен был здесь крест святой, люди безбоязненно стали селиться на этих местах. И посмотрите! Кругом теперь села и церковки, деревни и часовенки. Далматов, так[им] обр[азом], был гнездом, откуда, как птенцы, выпорхнули и осели по берегам рек и озерков белые веселые церковки. И если мы любим наш край — эту житницу Урала, мы не можем не любить Далматова. Эта священная обитель — наш Вифлеем. И как Вифлеемская пещера, в которой родился Христос, поныне поражает всех скромностью вида, так и Далматовский монастырь не блещет ни богатством, ни славой. Все значение Вифлеема иудейского в том, что там родился Христос — Господь.

л. 29 об. И Далматов дорог || нам как старушка-мать, тихая, скромная, которая дала жизнь краю и освятила его святыми крестами храмов наших.

Последний переход шли с пением службы Успению Б[ожией] М[атери]. Подходя к монастырю, услышали трезвон. Ах, как полно веселил он душу! У врат обители нас встретили с иконами о. настоятель с братией и приветствовали с благополучным прибытием. Поместили детей хорошо, в просторном здании б[ывшего] духовного учи-

⁴⁵ Далматовский Успенский монастырь — православный мужской монастырь, расположенный на левом берегу р. Исети, при впадении в нее р. Течи. В настоящее время входит в состав Шадринской епархии. Монастырь основан иноком Далматом (Долматом), в миру — Дмитрием Ивановичем Мокринским. После смерти жены он удалился в Невьянский Богоявленский монастырь, где постригся в монахи. Через некоторое время ушел и стал жить отшельником в вырытой им пещере на высоком берегу р. Исети. Затем основал монастырь, возле которого вскоре возникло поселение.

Ил. 7. Монастырские стены. Современный вид

лица. Наскоро умывшись и стряхнувши пыль с себя, экскурсанты сели в столовой за сытный, хорошо приготовленный обед.

Далматов (4 июня, воскресенье)

Ребята бегают по двору монастыря в цветных рубашках и платьицах, точно бабочки на солнце. Ни слабости, ни усталости. Даже у меня ноги чудесно исцелились. || Вчера л. 30 пошел ко всенощной, еле-еле ступая. В алтаре как-то вдруг забыл о больных ногах. Простоял всю службу и вышел совсем легко. А сегодня служил раннюю и после общей исповеди причастил всех детей и паломников. Братия объявляли за поздней, что после вечерни будет моя беседа.

Но день велик. Ходили с детьми, осматривали храмы. Ребятки с большим удовольствием лазили и прогуливались по старым толстым стенам, по которым чуть не на телеге проехать можно.

В одной из башен детям показывали железные вериги, которые носил преподобный Далмат — основатель монастыря. Побывали и в приходской церкви. Но дети возлюбили больше всего монастырский двор. Простор, чистота, травка по местам и такое ласковое солнце. || Я выпросил у о. игумена разрешение для ребят поиграть сво- л. 30 об. бодно. И обитель, вечно молчаливая и сонная, вдруг огласилась детскими звонкими голосами. Да! Это событие и должно быть занесено в летопись.

После обеда надзирательницы, каждая со своей группой, ходили в магазин, и дети покупали гостинцы по своему выбору. Торговец, вероятно, тоже оценил такое массовое посещение лавки малышами как событие. Конфет, пряников, орехов и кое-что другого раскупили у него на целых две сотни рублей.

Вечером присутствовали за акафистом Успению Б[ожией] М[атери]. Народу и кроме нас было порядочно. После службы я провел беседу о монашестве, как продолжении христианского мученичества. Чувствовал себя в духе и говорил с подъемом.

л. 31 об. О. игумен за чаем после трудов праведных, много бла- || годарил меня за беседу. Но, кажется, главная награда ожидала меня впереди.

Дело в том, что весть о нашей экскурсии распространилась широко, и из-за реки пришли люди просить, чтобы обратно мы шли по ту (по правую) сторону Исети. Народ ожидает и желает, чтобы кое-где я и послужил. Ввиду этого устроил совещание с руководительницами экскурсии. Решили так. Большую часть детей поездом отправить завтра (во вторник) в Ш[адрин]ск. Тасю Зо[лотури]ну⁴⁶ уполномочили для переговоров с начальством станции, чтобы прицепили к поезду лишние два вагона для детей. Старших, человек 120–150, взять с собой и идти правым берегом Исети. Благодаря Богу, дело с отправкой поездом детей устроилось легко, и в 11 часов дня малыши

л. 31 об. уже сели || в вагон, сопровождаемые Тасей⁴⁷ и 3-мя другими надзирательницами. Мы с остальными детьми выходим завтра во вторник с полдня, так на первый день назначено пройти 12 верст до села Пр-ки. Вышли из монастыря торжественно. О. игумен с братией провожали нас крестным ходом версты 2. Расстались очень любезно. Я при прощании выразил надежду, что мы, хотя и обеспокоили братию обители, но не причинили ей убытка. А за труды и гостеприимство земной поклон и теплое прошение к Господу, чтобы Он Сам воздал далматовской братии во главе с отцом игуменом Своею милостию. Крестный ход повернул обратно, а мы стояли и дружно пели «Многия лета». Перед тем как идти, я, показывая на обитель, сказал:

л. 32 — Ну, детки! Погостили, отдохнули || в монастыре и со Христом Господом оживили свой Союз. Теперь на расставание поклонитесь святым храмам, и пусть у каждого из вас, как и у меня, навеки запечатлеются в душе эти стены кремля и церкви, сверкающие белизной, как сладкое видение Неба!

Мы поклонились в сторону обители до земли и пошли. Я по себе чувствовал, что грустные чувства надо разрядить чем-нибудь исключительным. И как-то, само собой, сердце подсказало: спеть Пасхальные ирмосы. Часть левоклиросных певчих были со мною и вот мы стройно запели «Воскресения день»⁴⁸ упрощенным напевом Старорусского. И, о чудо! Уже не прощанием и воспоминанием минувшего наполни-

л. 32 об. лись души, а светлым и сладостным предощу- || щением грядущего. Монастырь и продолжающийся трезвон его колоколов до чувственной осязательности доводил наши представления Небесного града, и ноги наши шли по земле, а сердца воспаряли горе. Мы переживали нездешнее счастье.

На этом кончается дневник о. Загуменных. Видимо, из скромности, он не занес в летопись того, что было на обратном пути из Далматова. А записать стоило бы. Путешествие по правому берегу Исети превратилось в сплошной триумф о. Григория. В каждом селении экскурсию встречали с иконами всем народом и просили помолиться у

⁴⁶ См.: прим. 13.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Первый ирмос Пасхального канона.

часовен или в храмах. Детей принимали ласково и угощали, как только могли. Был еще сюрприз: две подводы, шедшие за экскурсией, оказались нагруженны- || ми хол- л. 33
стами — приношениями братству от усердных деревенских женщин.

Совершая переход за переходом, о. Григорий заметил, между прочим, одного мужичка. Он не суетился, не вертелся перед глазами, но вносил в толпы порядок и был всем знаком. Загуменных невольно присматривался к нему. На вид было ему лет за 30. Одет в армяк, подпоясанный ремнем. Волосы русые, расчесанные с пробором посередине. Все как и у других крестьян. Но лицо нежное, с приятным румянцем, светилось явной печатью одухотворенности. В словах и движениях он был скромен, благоговеен, но ни чуточки не несло от него елейностью. До того он был естественен, но, в то же время, чист и надмирен.

В своей деревне, когда подошли || и помолились у общественной часовни, он по- л. 33 об.
вел о. Григория к себе в дом, пока дети завтракали. Зашли во двор. Батюшка удивился, что хозяин шел не к двери в избу, а в огород, приглашая за собой и его.

— Что, он огурцами, что ли, угостить хочет? — подумал про себя Загуменных.

Но все сейчас же разрешилось. В конце огорода, на спуске у самой реки нарядной красавицей стояла часовенка. Приятно выглядели ее свежеевыкрашенные стены. Металлический крест с главой из светлой жести празднично сиял на солнце. Но когда вошли внутрь, о. Григорий был изумлен. В самом изысканном порядке стояли и висели по стенам иконы. Багетные рамы сверкали яркими лучиками от свечей, зажженных перед образами.

— Это, батюшка, мой святой уголок, где я отдыхаю душой, — скромно ска- || зал л. 34
мужичок.

И такая теплота шла от его слов! Загуменных еще раз внимательно осмотрел крестьянина. Удивительное впечатление! Казалось, никакого земного отпечатка не оставил на нем мир. Все житейское в нем или преображалось, или испарялось. Видно было не тело, а душа, которая придавала осанке свое смирение, изливала на лицо лучи чистоты и благоговения, зажигала в глазах тихие огоньки любви к Богу, а голосу сообщала непритворную сердечность.

— Есть у Вас семья? — с интересом спросил о. Григорий.

— Как же, есть: жена, двое деток.

— Занимаетесь чем? — продолжал испытывать батюшка.

— Как и другие: землю имею, хлебец сею. Кормимся, слава Богу.

Мужичок ничуть не догадывался, что своими обычными для де- || ревни отве- л. 34 об.
тами он все больше и больше изумляет собеседника.

О. Григорий рассматривал иконы, чтобы скрыть удивление. В его голове роилось много мыслей. Он словно искал и не мог найти объяснение факту.

— С женой хорошо живете? — спросил он, и сам смутился вопроса. «Что же, я его допрашиваю, точно судья», — подумал он. Но мужичок не чувствовал волнения батюшки и ровным певучим голосом отвечал:

— Слава Богу, живем мирно. Она у меня тоже любит молиться. Иногда оба стоим здесь часами.

Легкая на помин жена с двумя детьми скромно вошла в незапертую дверь часовни и благословила у батюшки. О. Загуменных и ее окинул пристальным взглядом.

Впечатление то же самое. Чистое светлое лицо, скромность во взгляде и явный отпечаток духовности. ||

л. 35 — Веселый Божий уголок создали вы с мужем, — обратился Загуменных к женщине. — Мне нравится.

— Спасибо, батюшка, — с теплой благодарностью отвечала женщина. — Только немало и обид и насмешек вынес мой Иван за эту часовенку.

— Кто же смеялся?

— В деревне живем, батюшка. Люди всякие есть, — отвечала женщина и скромно посмотрела на мужа, словно спрашивая, не сказала ли она лишнего.

О. Григорий заметил смущение хозяйки и, желая ободрить, сказал:

— Тем дороже, я думаю, для вас этот уголок Господень.

Супруги не отвечали, но на лице Ивана сияла такая радость, а глаза излучали такое умиление, что о. Григорий понял: часовенка для него — это все: дороже дома и имущества. ||

л. 35 об. Уходя от счастливой семьи, Загуменных много думал об Иване. Несомненно, это был экземпляр, достойный стоять рядом с Каратаевым и Власом⁴⁹ — этими прекрасными воплощениями народной религиозности. Но у этих в облике и словах сказывались бури житейские и горький опыт. «А здесь что?» — спрашивал себя о. Григорий. Иван невинен как младенец, чист и надмирен, как первохристиане. Не тот же ли самый порыв горит в его душе? И Загуменных легко вспомнил про себя глубоко запечатленные в сердце слова Эрн⁵⁰ о первохристианах.

«Первые христиане знали какую-то особую гармонию религиозного чувства: на них почил какой-то особый луч домирной Божественной Славы».

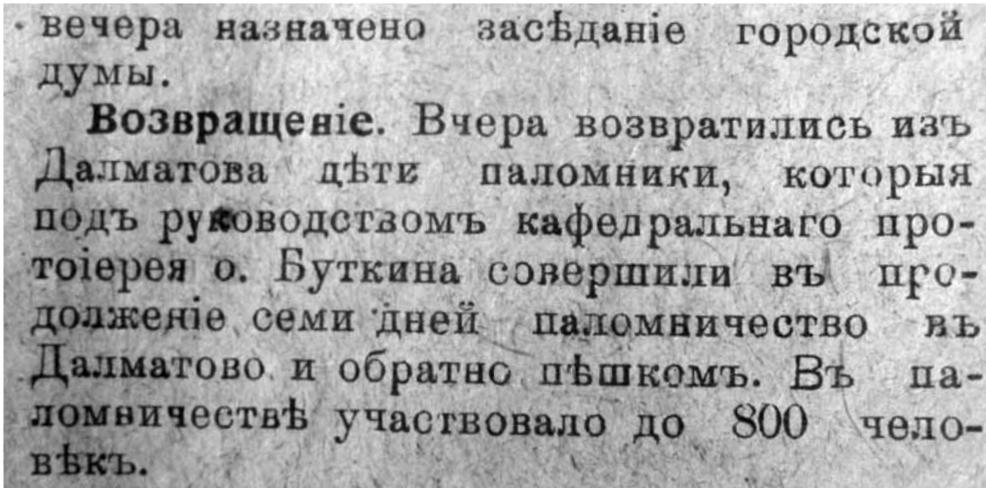
— Не странно ли, — думал Загуменных, — что русский мужичок Иван XX века л. 36 носит в себе ту же гармонию религиозного чувства и на нем виден || тот же луч домирной Божественной Славы. Дивны дела Господни!

Медленно, во все возрастающей атмосфере религиозного движения, подвигались экскурсанты вперед, от одного селения в другое. Крестьяне, поднимая иконы из часовен, густой толпой шли навстречу паломникам, молились, просили Слова. Сначала это не казалось странным, но когда толпа сопровождающих экскурсию росла все больше, а встречи вливали в процессию новые волны мужчин и женщин, Загуменных почувствовал, что это — знамение. Но какое? О своей пастырской деятельности в Ш[адрин]ске он любил говорить, что это дни Галилеи⁵¹. Если они-то как Галилея, то с чем можно сравнить настоящее религиозное движение? Не напоминают ли торжественные встречи || чиликования последнего входа Христа в Иерусалим? Присутствие детей усиливало впе-

⁴⁹ Платон Каратаев и Влас — герои романа Льва Толстого «Война и мир». Каратаев — русский солдат, встреченный Пьером Безуховым в балагане для пленных, где он прожил четыре недели с ним рядом. По словам писателя, он (Каратаев) «остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго». Мужики Карп и Влас отказались продавать сено французам, взяли в руки оружие и ушли в партизаны.

⁵⁰ Владимир Францевич Эрн (1882–1917) — русский религиозный философ.

⁵¹ Служение Христа в Галилее можно кратко охарактеризовать Его же словами: «И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (Мф 9. 15). Время служения Христа в Галилее — это время радостного брачного пира. Избранному народу была дана возможность почувствовать и понять, что «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие» (Мк 1. 15), что в Иисусе Христе нашли исполнение ветхозаветные обетования.

Ил. 7. Народная газета. № 128 от 20.06.1919 г. Возвращение

чатления от аналогии. Но ведь тогда, значит, мы у порога страданий. Мысль резанула по сердцу, о. Григорий испугался. Он внимательно смотрел на окружающих, на толпы молящихся и не видел ничего кроме упоения, благоговейной радости. «Так же было и при входе Христа. Все пели “Осанна” и никто не предвидел близкого ужасного конца...», — думал он с грустью.

— Вы устали, батюшка? — спрашивали его.

— О, нет, — отвечал он весело. — Разве можно устать, когда душа живет счастьем?

И Загуменных оживлялся, подбадривал своих спутниц. Но что-то было сильнее его воли. И опять и опять возвращался он думами к евангельской параллели. ||

Так подошли они к горе, с которой город открывался как на ладони. Он был л. 37 тут, внизу. Его шесть храмов сверкали храмами на солнце и колокольни, как пудовые свечи, горели вверху крестами. «Мы как есть на горе Елеонской», — пронизывала мозг острая мысль. «А если так, то вот он, день посещения нашего», — заключил про себя Загуменных.

В этот момент люди слышали трезвон соборных колоколов⁵². Благовестник гудел особенно торжественно. Экскурсанты остановились, перестроились и стали дожидаться крестного хода.

Вскоре процессия из города подошла к горе, и братья целовались друг с другом. Т[ас]я Зо[лотури]на⁵³ тут же сообщила, что всех ребят привезла благополучно. О. Григорий был доволен и, видя вокруг себя || сияющие лица, сам просветлел и, когда л. 37 об. пошли, дал знак певчим петь Пасху. Светлые, радостные голоса сливались с могучим, праздничным трезвonom. Воздух наполнился ликованием и у многих-многих на глазах видны были слезы умиления⁵⁴.

⁵² Колокола шадринского Спасо-Преображенского собора.

⁵³ См.: прим. 13.

⁵⁴ Новость о возвращении паломников // Народная газета. 1919. № 128 (20 июня).

Тревожные дни

Прошли только три недели после возвращения с экскурсии, как события оправдали предчувствия о Загуменных. На фронте под нажимом красной армии началось общее отступление белых, и по дорогам в Сибирь полились волны беженцев. О терроре большевиков рассказывались ужасы⁵⁵, а потому, как только Ш[адрин]ск заполнился отступа-

л. 38 ющими войсками⁵⁶, сейчас же началась эвакуация учреждений и || бегство боязливых.

Загуменных с семьей после экскурсии гостил у родителей около Челябинска⁵⁷. В начале июля к нему пригнал из Ш[адрин]ска нарочный.

— В городе паника, — говорил гонец, — Вас просят возвратиться.

Из дальнейшего разговора с посланным батюшка узнал, что чиновники, купечество и духовенство уже выехали из Ш[адрин]ска. За ними и из жителей некоторые собрались бежать.

— Если не приедете и не успокоите, пожалуй, никого в городе не останется, — заключил курьер.

Быстро собрались и через сутки были уже дома. Но, Боже! Какая грустная картина. В доме Загуменных водворился штаб белых, полковник с женой. Батюшке с семьей еле-еле предоставили 2 комнаты. На дворе повозки, сол- || даты, куча ружей под сараем. Не квартира священника, а лагерь. Батюшка, как приехал, побежал в Собор. Там его с радостью встретили, но тут же с нетерпением спрашивали: остается он с ними, или уезжает. Впервые о. Григорий не мог ответить на вопрос прямо, без колебаний. Сам он не думал об отъезде. Но за дорогу не раз слышал, как матушка склонялась к тому, чтобы бежать. Он много надеялся на Яковлевых⁵⁸, думая с их помощью уговорить жену не оставлять города. Но в церкви ему сообщили, что Влад[имир]

⁵⁵ Современный исследователь отмечает: «Гонения на Православную Церковь во всем ее составе — от высшей иерархии (епископата) и священства до мирян — неотъемлемая часть трагических послереволюционных событий. <...> При рассмотрении картины массовых репрессий на Среднем Урале особое внимание вызывает самый первый период революционного насилия — репрессии против священнослужителей Екатеринбургской епархии летом 1918 года. Широкомасштабные, отличавшиеся особой жестокостью, они, тем не менее, очень мало изучены» (Печерин А. В. Репрессии против духовенства на территории Екатеринбургской епархии летом 1918 года. Екатеринбург, 2016. С. 5).

⁵⁶ В начале августа 1919 года в Шадринск вошли красные войска, и в городе была снова установлена советская власть. Современный исследователь пишет: «С 30 июля по 4 августа на Шадринском направлении происходили ожесточенные встречные бои. Некоторые села переходили из рук в руки. <...> после захвата Камышлова части Красной армии двинулись на г. Далматово. Когда фланги Красной армии вышли на линию Далматово, началось наступление на г. Шадринск. 3 августа бои развернулись непосредственно за Шадринск. 4 августа бойцы 265 и 266 полков и кавалеристы полка «Красные гусары» с боями ворвались в город со стороны Городища» (Пашков А. А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007. С. 226).

⁵⁷ Родители о. Николая Буткина — Григорий Иванович и Ольга Ефимовна — проживали в селе Бродокалмак (ныне Красноармейский район Челябинской области). Григорий Иванович в течение почти 50 лет учительствовал в этом селе. В 1910 году энергией и организаторскими способностями Григория Ивановича, средствами и практической сметливостью местного мецената члена Госдумы России Василия Евграфовича Брагина, неутомимостью педагога Константина Николаевича Никулина были построены два кирпичных здания: для школы и педучилища, создана двухступенчатая система школьного обучения — земская начальная школа (директор Григорий Иванович) и высшее начальное училище (директор Константин Николаевич). Григорий Иванович Буткин удостоился звания заслуженного учителя, народного просвещенца.

⁵⁸ См.: прим. 3.

Дем[ентьевич] уехал вчера. Приходилось теперь, видимо, положиться на Бога, и о. Григорий решил молиться. Он отслужил всенощную, хотел было и на ночь остаться в храме, но от матушки пришел посол, прося прийти домой. Ох, как тяжело чувствовал он в себе борьбу долга с || привязанностью к семье. Народ, кажется, понимал настроение л. 39 батюшки. Его не спрашивали, не старались удержать, но, стоя группами в храме и у дверей, провожали его такими глазами, что нельзя было не прочесть в них мольбу и страх. «Неужели и ты покинешь нас», — говорили глаза. О. Григорию было стыдно пред этими взглядами, но, не смея утешить прихожан, он не шел, а бежал мимо их, выходя из церкви.

Дома он нашел матушку в сильном волнении. Жена полковника уже познакомилась с ней и, видимо, наговорила про ужасы большевиков так много, что матушка, как только увидела мужа, сейчас же, настойчиво заявила:

— Я решила, Гриша, ехать. Оста-|| ваться здесь нельзя. Вот, послушай Ольгу л. 39 об. Константиновну, — и матушка рекомендовала мужа даме, которая стояла с ней.

О. Григорий вежливо поклонился, встретив на себе заинтересованный взгляд красивых черных глаз. «Вот ты какой», — говорили глаза. В другое время батюшка, может быть, улыбнулся бы на такой откровенный интерес к нему, сказал бы несколько слов, стараясь не показаться грубым, но в этот момент он почувствовал, что в этой красивой даме, несколько, правда, вульгарной и свободной, стоит его враг. Он поэтому отклонил всякий разговор в присутствии посторонней свидетельницы и, глядя на матушку, заметил:

— Я пойду, сниму сначала рясу, а потом поговорим.

Матушка поняла его и вышла из комнаты за ним. ||

Начался нудный, бесконечный разговор. О. Григорий то сидел с матушкой и л. 40 слушал, то вскакивал и начинал ходить по комнате, утишая волнение. Но матушка звала его и вновь начинала склонять к своему решению. Сначала батюшка только слушал: он хотел дать супруге высказаться. Сам же про себя обдумывал, как лучше выиграть сражение. Сказать откровенно, что ему мешает ехать долг, — невозможно. Матушка и так много говорила о том, что он должен доказать свою любовь к семье. «Для нее мой долг в этом, и я только раздражу ее, если буду настаивать на своей обязанности к прихожанам», — думал батюшка. Он решил тогда воспользоваться своей глухотой.

— Послушай, Надя! На что обрекаешь ты меня, глухого, беспомощного, || на- л. 40 об. ставшая на том, чтобы я ехал. Здесь, как-никак, почва крепкая. Каждый горожанин и крестьянин — друг, сочувствующий. Это уберезет меня лучше, чем деньги и какая то бы ни была протекция. А уедем отсюда, что найдем? Я — глухой. Меня никто не знает. Ну, доедем до Омска, Петропавловска. Там теперь много из нашего брата. Всем надо места. Кого примут? Меня ли, глухого? Но пусть кто-нибудь заступится за меня, и мы устроимся с тобой. Но пройдет месяц-другой и белые начнут отступать дальше, в Сибирь. Что же, и нам опять бежать? Куда и с какими средствами?

Слова ударяли матушку по сердцу, она плакала. Видя ее слезы, о. Григорий сразу упал⁵⁹, переставал спорить и начинал успокаивать. Это давало чувствовать матушке ее || власть над супругом. Она возбуждалась и начинала снова:

л. 41

⁵⁹ Значение: приходиться в упадок (устар.).

— У тебя одна манера — всю ответственность складывать на меня. Возьми же и ты на себя хоть что-нибудь. Ну подумай, что будет со мной и Катей, когда тебя расстреляют? — и тут матушка прерывала речь, горько плача.

О. Григорий мучился не меньше. Он понимал, что матушки ему не переубедить. Волнуясь, он ходил по комнате и с грустью ронял: «Бедные прихожане!». Матушка слышала его сожаление.

— Прихожане, если умны, не могут не понять, что здесь тебе угрожает смерть. Какой же стыд бежать от смерти? Я помирюсь со всеми невзгодами, лишь бы ты был жив. ||
л. 41 об. || Беспомощны мы не будем, не бойся. Ольга Константиновна предлагает ехать с ними, обещает и лошадей выхлопотать для нас.

Слова матушки напомнили о. Григорию пышную, чернооую даму с вызывающим взглядом, и вдруг его осенила мысль: использовать для своих целей ревность матушки.

— Ты знаешь, Надя, кто такая Ольга Константиновна? Что-то как будто не похожа она на настоящую полковницу. Так на меня смотрела, что мне неловко стало от ее взгляда. Вообрази теперь, что это кокотка, не больше. Неужели ты не постесняешься приблизить меня к такой компании?

О. Григорий пристально смотрел на жену, чтобы заметить, какое впечатление произвели на нее его слова. Но в комнату вошли няня с Катей. Девочка гостила в церкви
л. 42 у сес- || тер и пришла, неся в руках подарки.

— Мамочка! Можно мне взять от тети Оли, что она подарила?

Дочь держала в руках шоколадки, а на руках лежал маленький отрез изящной материи для детского платья.

— Где ты видела тетю Олю? — серьезно спросил батюшка.

Нянька объяснила, что они, возвращаясь с Катей из церкви, встретили Ольгу Константиновну у дверей ее комнаты. Она зазвала Катю к себе и долго разговаривала с ней, смеялась. Матушка, взяв от Кати материю, вышла. Но скоро возвратилась, бросая материю на стол.

— Ладно. Пусть дарит, если хочется.

— Ты благодарила тетю Олю? — спросил дочь батюшка. ||

л. 42 об. — Но я же пошла сначала спросить маму.

Батюшка видел, что матушка, выйдя из комнаты, не встречалась с полковницей, и понял, что жена не хотела показаться ей с заплаканными глазами. Поэтому он, взяв Катю за руку, направился было благодарить Ольгу Константиновну сам. Но матушка быстро встала и, переняв от него дочь, сказала.

— Сиди! Я схожу с Катей и поблагодарю.

Батюшка остался, довольный на этот раз тем, что его стрела насчет полковницы задела, кажется, матушку.

Когда дочь с мамашей возвратились, пора было укладывать девочку спать. Разговаривать стало нельзя, и супруги с неразрешенными думами занялись каждый ||
л. 43 своими делами. Батюшка, впрочем, не сидел долго и приступил к правилу.

Ночь прошла без сна. Тяжкие мысли-дремы давили на мозг и заставляли ворочаться с боку на бок или болезненно вздрагивать от возбуждения. Батюшке представ-

лялись незнакомые места, дороги, испорченные и покрытые густо мелко истолченной пылью от непрерывного потока беженцев. Среди них он видел себя, затерянного, гибнущего. Разве мало гибнет людей прямо на дорогах от ударов, болезней злых людей? Но Загуменных пугала не смерть сама по себе, а сознание, что придется умирать с грустной мыслью об измене пастырскому долгу. Он не мог стонать, но чувствовал себя от боли недалеко от этого. По временам он поднимал голову с подуш- || ки и видел за столом л. 43 об. сидящую матушку. Она так и не ложилась в постель. О. Григорий понимал, что ей не меньше тяжело, чем ему. О, Господи! Глубоко вздыхал он, силился заснуть хоть немного, но ничего не выходило. Кошмарные видения завладевали им вновь, и он ворочался, вздыхал, пока утренний рассвет не поднял его с постели.

— Почему так рано встаешь? — спросила матушка.

— Тяжело мне, Надя! Пойду в церковь, помолюсь. А ты обдумай хорошенько все, что я говорил.

О. Григорий поцеловал жену и вышел. За воротами его встретило свежее, ясное утро. Однако на этот раз его не веселил ни ранний золотистый луч солнца, ни чистый бодрящий летний воздух. Он торопливо шел, понунив голову. На площади перед Собором, откуда || видны были мост и речка, он смотрел надвигающиеся вереницей л. 44 подводы. Ехали солдаты, беженцы. Печальное зрелище прямо надрывало душу Загуменных. Прямым безумием казалось это стихийное беженство в холодную и не менее черствую Сибирь. Во всем этом проявлялась какая-то звериная, обнаженная жажда жизни и (как странно!) духовенство главенствует в этом стихийном обнаружении животности. О. Григорий вздыхал и вместе с тем в душе его поднимался непримиримый протест против слияния с этой бегущей массой. От волнения его шаг прибавился. Он энергично хлопнул дверь и вошел в храм.

Сестры-монахини, живущие при церкви, удивились такому раннему приходу о. настоятеля и спросили, не хочет ли он служить ранней. ||

— Нет. Раннюю служить некому. Я один теперь. Велите звонить к обедне в л. 44 об. 8 часов. А пока я побуду в алтаре, — и о. Григорий прошел в боковой придел. Здесь он вдруг почувствовал, что ему нужен образ Казанской Б[ожией] М[атери]. На стене, почти незаметно, в черной, плохо приделанной раме, он увидел желанную икону, снял ее с гвоздя, вынул образ из рамы и, поставив его на престоле, начал читать параклисис⁶⁰ с акафистом. Сначала тихо, с полным смирением, исходили из уст о. Григория скорбные прошения:

«О, Мати и Дево! От тяжких и лютых спаси мя!»

«Молю, Дево! Душевное смущение и лютую бурю печали моя утоли!»

Но по мере погружения в себя батюшка все сильнее и полнее переживал скорбь, тесноту, безвыход- || ность положения. Душа приходила в нервное возбуждение, и он с л. 45 напряжением произносил и повторял умирительные моления.

«О, избави, избави от бед, Богородице Чистая! Разреши мглу прегрешений моих!»

Сердце батюшки начинало таять. Минутами он лежал ниц, без слов, давая душе почувствовать всю боль свою. Она словно силой магнита собиралась отовсюду в один

⁶⁰ Параклис (от греч. Παράκλησις — «усердная молитва; утешение») состоит из канона и Акафиста Пресвятой Богородице.

комок, подступала к груди. Тогда о. Григорий, в плаче, не удерживая слез, исповедывался, прилепляясь всем существом своим к стоящему пред ним образу.

«Пресвятая Владычице! Скорбь обдержит мя! Терпети не могу демонского стреляния, покрова не имам, ниже где прибегну, окаянный, и утешения нет мне». ||

л. 45 об.

Голова никла от тяжести душевной, слезы переходили в рыдание, о. Григорий стоял на коленях и ожидал в молчании, когда сердце справится с болью. Постепенно волнение утихало, и тогда он снова молился.

«Помощи просящего у Тебя, Дево Богородице, не презри...»

«Не отвратися слез моих, Мати, Христа Родшая!»

Последние тропари канона батюшка читал с благоговейным удивлением.

«Радости мое сердце Исполни, Дево!»

— О, неужели возможна для меня радость? — говорил смущенно Загуменных.

Но сердце и в самом деле успокаивалось, и он, уже без борьбы и уныния, овладевши возбуждением, читал акафист Казанской Божией Матери. Из алтаря он вышел пред са-

л. 46 об.

мой Литургией. А служа обедню в главном приделе, унес туда образ || Казанской, пред которым молился и держал его на престоле пред собой всю службу. Так сердце его напременно искало от Пречистой Заступницы покрова и помощи.

В храме Загуменных пробыл долго. Служил молебны по требованию молящихся, читал акафисты и так настроился спокойно, как будто вся скорбь и тяжесть отлетели. Но тробы были окончены. Надо было идти домой, и снова сжалось сердце у о. Григория. «О, Господи! Буди воля Твоя!», — смиренно произнес про себя батюшка и вышел из храма. Медленно шел он площадью, улицей незаметно ускорил шаг, а в дом чуть не вбежал. Нетерпение, желание знать скорей свою судьбу подгоняло его. Он во-

л. 46 об.

дил в комнаты бледный, с замирающим дыханием. Матушка встретила его || сейчас же и, глубоко чувствуя его страдания, поспешила сообщить:

— Знаешь, Гриша! Я решила остаться.

Он сначала словно не верил ей. Так сильно было его удивление, но когда матушка начала объяснять ему, что она передумала за ночь и утром, он, слушая ее, все больше и больше проникался чувством благодарности к Богу.

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе! — взывал он сердцем, растроганный до глубины души знамением.

Катя была с матерью, но последняя, видимо, чувствовала потребность излиться, и продолжала говорить.

— Ты только подумай, что нас ожидало дорогой. Куда бы мы прислонились, на кого понадеялись.

л. 47

О. Григорий только удивлялся, получая рикошетом от супруги собственные доводы и соображения. || Благодарный ей, он привлек к себе жену и, лаская ее волосы, говорил:

— О, Надя, милая! Помни, тебе внушено твое решение свыше, — и тут он, в свою очередь, открыл матушке как горячо молился пред образом Казанской Б[ожией] М[атери].

— Надя, родная! — в восторге открывался батюшка, — ведь мы видим явное чудо. — А если Господу угодно было показать нам знамение, то не очевидно ли, что Он будет с нами и бояться нам нечего.

— Я просто недоумеваю, как могла я поддаться на предложение Ольги Константиновны, — говорила матушка. — Где же нам с ними ехать. Они люди военные. Доехали бы до ближайшего пункта и только, нас бы оставили. Как бы стали жить, на что? Где квартира, кто помог бы нам?

О. Григорий нежно поощрял жену, || то и дело прерывая ее поцелуями. Матушка л. 47 об. как бы освобождалась и снова говорила. Дочь поняла жесты мамы по-своему и в момент вступилась:

— Папочка, ты же не медведь. Зачем маму душишь?

Нельзя было удержаться от смеха. В восторге папаша стал целовать дочь. Супруги Загуменных были счастливы, как никогда. Конечно, о. Григорий понимал, что настроение решимости в матушке не прочно. Надо его поддерживать. Но и тут произошло чудесное обстоятельство. В город возвратились из беженства Яковлевы⁶¹. И как странно было их возвращение. Лошадь не пошла. Всегда послушная и смиренная, она на этот раз не хотела подчиняться ни понуканиям, ни хлысту.

— Мы думали, что она захворала, || — рассказывала Ал[ександра] Ал[ексеевна]⁶², — остановились на сутки, а тут нас догнали Мишкины и сказали, что вы остаетесь в Ш[адрин]ске. Стало как-то неловко ехать дальше. Решили повернуть обратно. И замечательно: Воронко сразу изменился. Бежал охотно, как всегда. Мы поняли, что здесь было не без указания свыше.

Когда в городе стало известно, что Загуменных остается, многие раздумали бежать. Батюшка же, силою обстоятельств, сплачивал оставшихся вокруг собора и поддерживал в людях бодрость духа. Это были замечательные дни.

Торговля прекратилась. Базары еще функционировали, но и те со дня на день сокращались. Хозяйки оставались в опустевших домах, проводив мужей с сыновьями. А в иных жили только старушки домовницы. Занятий, суеты не стало. О. Григорий понял, что надо дать освободившимся возможность пожить духом и послужить Христу. Он воспользовался тем, что с экскурсии привезли много холста и организовал женщин для шитья белья. Время благоприятствовало и для того, чтобы собирать щедрые благотворения. Мельницы домалывали последнюю муку бежавших мукомолов. Продавали пеклеванную⁶³ за 2 р. 70 [коп.] мешок. О. Григорий собирал деньги и купил для Братства мешков 60. Муку сложили в амбар и выдавали бедным в обеспечение от случайностей.

К молитве и посещению храма люди были теперь особенно усердны, а потому Загуменных старался придать молитвенным собраниям живо- || трепещущий интерес. л. 49 По вечерам он устраивал нарочитые всенощные — то Казанской Б[ожией] М[тери], то Скорбящей, другим заступникам, а в акафистах и канонах давал исход напряженным чувствам. Люди принимали отзывчивость батюшки на их духовные потребности с благодарностью, а к его беседам и проповедям относились теперь с безраздельным

⁶¹ См.: прим. 3.

⁶² Там же.

⁶³ Термин «пеклеванный» получил широкое распространение в XVIII–XIX веках. Пеклеванной называлась тонко размолотая и хорошо просеянная ржаная или пшеничная мука. Соответственно и хлеб, выпеченный из этой муки, получил название пеклеванный хлеб.

вниманием. За каждой службой Собор наполнялся молящимися, как бывало в Рождество или Пасху.

Около 15 июля пал Екатеринбург⁶⁴, и теперь красные войска быстро гнали пред собой белых. «Квартиранты» из дома Загуменных выступили после отдыха на фронт. Прощаясь перед походом с батюшкой, полковник стал было успокаивать его:

— Я надеюсь погнать красных вспять.

л. 49 об.

— Буди воля Божия, — отвечал на это о. || Григорий. Он понимал, что отступление из Ш[адрин]ска предрешено, и принял факт совершенно спокойно. С этого дня в Соборе начались каждодневные общие исповеди и причащения. Исповедовались тысячи, и причащать приходилось часа по 2. Однако долгие обедни и проповеди не утомляли людей. Много народу оставалось в храме в ожидании молебнов с акафистами. О. Григорий никому ни в чем не отказывал, молился, утешал, целые дни проводя в церкви за делом.

Когда послышались первые отдаленные выстрелы пушек, вышли с крестным ходом и обошли с иконами весь город. Обходя окраину с ее бедными избами, о. Григорию краем уха пришлось слышать замечание: «Никогда прежде не хаживали батюшки здесь с иконами».

— Ну что же, — отвечал многозначительно Загуменных, — теперь, значит, и || л. 50 на вашей улице будет праздник.

Оставшуюся до занятия города красными неделю проводили в непрерывной молитве и поучениях. Город опустел от войск. Беженцы уже не останавливались в Ш[адрин]ске, а проезжали дальше. Жизнь на базаре и улицах замерла. Жители предоставлены были самим себе и, как никогда, переживали страх пред неизвестностью. На людях было все же легче, и поэтому все теснились в Соборе.

Для о. Григория наступили самые ответственные дни. Нужно было только видеть, с какою жаждою верующие искали его поучений. Каждый совет, наставление принимали как освященный хлебец, с благоговейным смирением, и батюшка видел л. 50 об. это. Он находил полную параллель для переживаемого момента с теми тре- || вожными днями Антиохии⁶⁵, когда жители ее в IV веке подвергались гневу царя Феодосия⁶⁶ и ожидали скорого суда и казни. Тогда пастырем в Антиохии был Великий Златоуст. Он точно так же собирал испуганных и скорбящих горожан в храм и вдохновенными словами то призывал к покаянию, то поучал терпению. А когда видел слезы на глазах сетующих, поддерживал дух народа энергичными и красноречивыми напоминаниями на (sic!) милосердие Божие.

⁶⁴ Наступление Красной армии началось 5 июля после окончания успешной для нее Пермской операции. 3-я армия находилась на рубеже вдоль рек Кама и Сылва, а 2-я армия занимала водораздел Сылвы и Уфы. Наступление 2-й армии «в лоб» было остановлено ожесточенным сопротивлением Ударного корпуса белых. Тогда отряды 28-й стрелковой дивизии красных обошли их позиции по горным тропам и ударили с тыла. В результате этих действий отряды Сибирской армии были окружены и разбиты. 15 июля 2-я армия красных войск вступила в Екатеринбург.

⁶⁵ Город на территории Древней Сирии (совр. Антакья, на территории современной Турции), являющийся одним из центров христианства, именно здесь ученикам Христа впервые дано было имя «христиане» (Деян 11. 26).

⁶⁶ Феодосий I Великий (Флавий Феодосий; 347–395 гг.) — последний император единой Римской империи.

Загуменных сознавал, что в силу обстоятельств на него выпала та же самая задача ободрять упавших духом в эти судные дни, возбуждать их к покаянию и прививать им спасительные упования, как залог непоколебимого мира и спокойствия. Он и радовался выпавшему на него жребью, и смущался. || Слишком исключительно было его призвание. Но он старался делать все, что мог. В эти критические дни он не думал о себе. Он всецело отдался пастырскому долгу и горел огнем ревности и сострадания к людям. л. 51

Между тем, решительный момент приближался. В ночь на 22 июля денщик полковника, который квартировал в доме Загуменных, пригнал верхом во двор батюшки и, прося одолжить ему хлеба, сколько можно, известил, что завтра город займут красные. Батюшка по этому случаю Литургию служил поскорю и сейчас же, после службы, распустил народ по домам.

Едва успели Загуменных попить чаю, как увидели из окна по направлению к вокзалу страшный дым. То горели склады с хлебом. Еще || немного, и из комнаты, выходящей окнами к собору и на улицу, прислуга закричала: л. 51 об.

— Ой, смотрите, какой дым за Собором.

Батюшка с матушкой бросились к окну. За самой колокольной выше креста взвился зловеще черный столб дыма. Белые, убегая, взорвали мост. По улице продолжали, однако, отступать последние части. Им вслед неслась стрельба и неслышно громко застрекотал пулемет. Раненых не видели, однако. Но кое-кто из бегущих быстро завертывались в ворота домов и скрывались. Пулемет затрещал где-то совсем близко. Матушка испуганно схватила мужа и увлекла его в низ дома. Здесь расселись на полу в простенках окон и выжидали конца стрельбы. Через ½ [часа], не больше, дьякон⁶⁷, оставшийся один из всего причта, вбежал к Загумен- || ным и, смеясь, вызвал добровольных узников л. 52 на свет Божий.

— Не бойтесь! Ребята славные. У меня уж побывали.

Загуменных был рад постороннему. Ему надоело уже сидеть в плену у боязливой матушки. Все поднялись наверх и даже заглядывали в окна. По улицам, по тротуарам, спешили красные догонять врага. На углу у Собора установили пулемет и время от времени посылали за реку рои свинцовых пчелок. Вскоре улица опустела. Война перенеслась за реку⁶⁸. Ш[адрин]ск включился в РСФСР. Ш[адрин]ские церкви могли сноситься с Московским Патриархом.

Город не пострадал от войны ни насколько, если не считать взорванного деревянного моста. Никто и из жителей не понес ущерба. || В городе скоро воцарилось л. 52 об. спокойствие. О. Григорий исправно вел свои службы. Его ни в чем не стесняли. Запретили только звонить пока. Видя, таким образом, себя в безопасности, Загуменных

⁶⁷ В Спасо-Преображенском соборе в то время служили 2 диакона: Вячеслав Тимофеевич Успенский, окончивший 1 класс Нижнетагильского реального училища в 1906 г., и Максим Трофимович Ипатов, окончивший курс народного училища в 1899 г. (Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 г. С. 111). После отступления Белой армии остался, вероятно, кто-то из них.

⁶⁸ В оперативной сводке от 5 августа 1919 года красноармейского штаба 2-й бригады 30 стрелковой дивизии 3 армии Восточного фронта говорилось: «...при отступлении противник сжег мост в южной части города, уничтожил склады и эшелоны на станции, нагруженные продуктами. Противник пытался удержаться на южном берегу Исети, но метким огнем был сбит с позиций и в беспорядке отступил по тракту, по направлению Кокленино...» (Пашков А. А. Борьба за власть в Шадринском уезде... С. 227).

воспрянул духом и занялся делами. Случайно ему сообщили, что больница оставлена совершенно без белья. Он мобилизовал братчиц, поручил собрать все, что шито из холста и находилось в складах Братства, и отправить в больницу.

Врач с радостным удивлением выслушал благодетельниц, дал расписку в получении вещей — там было помечено разного белья 100 штук — и в заключении сказал:

— Удивительное у вас братство. Как хорошо, если бы нас всегда встречали такие.

л. 53 Ласковый прием в больнице хорошо подействовал на соборян. О. Григорий || тоже был весел. Одна матушка все чего-то боялась, но и ей дано было утешение. Однажды явились на дом к Загуменных две женщины в сопровождении своих мужей-красноармейцев. Матушка было встревожилась, но ее сейчас же успокоило заявление посетительниц:

— Пришли благодарить батюшку. Это вот наши мужья. Воротились, слава Богу.

— Очень рад за вас, — с сочувствием отозвался о. Григорий. — Живите теперь вместе, а если нужно будет, обращайтесь, по возможности поможем.

— Ничего от Вас теперь не нужно, — важно отвечал один из мужчин. — Советская власть даст нам все. Ну, а за то, что помогли нашим семьям, спасибо. Когда потребуется, заступимся за Вас. Не сомневайтесь. ||

л. 53 об. Холодок, идущий от красноармейцев, и упоминание о заступничестве задели сердце Загуменных. Но он скрыл это в себе и сейчас же постарался заглушить впечатление, видя, как хорошо приняла матушка визит красноармейцев.

— Я теперь не боюсь за тебя, — говорила батюшке супруга, проводив посетитель, — они помогут тебе лучше, чем соборяне.

— Ни они, ни соборяне спасут нас, Надя, а Господь, — поправлял ласково о. Григорий матушку.

Прошло 1½ недели. О. Григорий в воскресенье с воодушевлением говорил проповедь о великодушии и всепрощении. Народу в церкви было множество. Батюшку провожали из церкви общими выражениями благодарности и поднесли ему букет цветов.

л. 54 Со цветами в руках о. Загуменных быстро шел домой, у || крыльца его встретили двое военных и прошли с ним в комнаты. Тут и выяснилось все. Батюшке был предъявлен ордер на немедленный обыск в его помещении. «Ну, обыск — это еще не страшно», — подумал о. Григорий. Он знал, что ничего не найдут. Искали недолго и, казалось, в самом деле, не нашли ничего. Но батюшку попросили все же дойти с ними до следователя. Матушка взволновалась, заплакала. Но молодые люди вежливо уверяли ее, что батюшке никакой опасности не угрожает, его только допросят и отпустят. С тем и вышли. Спокойно о. Григория довели до Особого назначения и здесь предъявили ему печатный листок с его подписью. Как громом ударило о. Григория от этого документа. Но не страх, а удивление ох- || вагило его. Каким образом, он все это время не вспомнил о Воззвании⁶⁹, отпечатанном и розданном в 1918 г.? Сейчас же после занятия города белыми? Рабочий, предъявивший теперь ему листок, показывал на слова: «Отцы и матери, отпустившие своих детей на войну, не плачьте о них, подобно Рахили: они борются за святых».

— Благо, что не знала этого Надя, — продолжал думать Загуменных, — иначе она ни за что бы не рискнула остаться.

⁶⁹ См.: Буткин Николай, прот. Роман «Виноградари. Ч. II: Обреченные» (окончание). С. 302–303.

О. Григория провели к следователю, и начался допрос. Допрашивал все тот же рабочий. Следователь печатал на машинке протокол. В момент, когда рабочий вышел за чем-то из комнаты, следователь быстро простукав что-то на машинке, сунул батюшке бумагу со словами: «Не бойтесь. Не так || уж страшно». О. Григорий благодарно кивнул л. 55 ему головой, подавая записку обратно. Рабочий, допрашивающий Загуменных, видимо, смотрел на него как на обреченного и полушутя спрашивал:

— Ты, батя, веришь в будущую жизнь?

— Верую, — серьезно отвечал тот.

— Ну так вот, мы и отправим тебя в Царство Небесное.

— Это как угодно будет Господу, — спокойно заметил о. Григорий.

Допрос был передан следователю в присутствии рабочего, и батюшке стали задавать вопросы по форме. Но представителю советской власти не терпелось. Он вслушивался в беседу и возбужденно говорил:

— Нам известно, что ты, батя, участвовал в комиссии по лик- || видации боль- л. 55 об. шевиков. Говори, кто там был?

Впервые слышал Загуменных о такой комиссии, а потому честно отвечал, что ничего не знает. Следователь снова старался ввести допрос в рамки, спрашивал о звании: ему ли принадлежит оно, чем было вызвано. О. Григорий отвечал, указывая на начальную тираду листка, что его, как и многих, сразило насилие красных над духовенством. Рабочему не нравилось упоминание о зверствах большевиков.

— Прикидываешься, батя! — развязно вступался он, — говори прямо, что тебя наняли буржуи, ты их защищал.

Ничуть не изменяя тона, Загуменных взял со стола свой листок и, подавая обвинителю, просил:

— Прочтите, что стоит за призы- || вом к войне.

л. 56

Рабочий читал: «А вы, богатые, знайте: если не разделите несправедно нажитое с бедными, знает Господь, как отнять у вас все, что имеете».

— Разве так говорят господам подкупленные?

Представитель власти замолчал, следователь улыбался.

— Ну, будет толковать. Подписывай протокол, — и рабочий ушел распорядиться.

Два красноармейца с ружьями повели Загуменных в дом купца Гус[томеса]ва⁷⁰ и заперли его здесь, как в тюрьме.

Впервые почувствовал о. Григорий, что все кончено. Что делать? Готовиться ли к смерти? Он не мог не думать, что она близко. Недаром его посадили не в тюрьму, а сюда, чтобы ближе вести на расстрел в рощу, на кладбище. Но как ни естественно было ожи- || дание скорого конца, на сердце лежала мысль не о себе, а о близких сердцу л. 56 об.

⁷⁰ Густомесовы — успешные шадринские купцы XIX — начала XX вв., глава семейства Гаврила Яковлевич и сыновья — Александр, Алексей и Михаил. Двухэтажный полукаменный дом их, обильно украшенный резьбой, и поныне находится по улице Луначарского. Густомесовы имели «железный бизнес» — мастерские по изготовлению фурнитуры для ворот и окон, занимались поставкой кровельного железа, стали, чугуна. Как было тогда принято, они жертвовали деньги на благоустройство города. На пожертвования Гаврилы Яковлевича приобретен фарфоровый иконостас для церкви Флора и Лавра в Шадринске. Михаил Густомесов приобрел 2 пожарных машины для организованного в 1910 году вольно-пожарного общества. Гаврила Яковлевич и Михаил Густомесовы умерли еще до революции. В списках уехавших с отступающими войсками А. В. Колчака есть Алексей Густомесов, его жена и жена Михаила. Дом купцов Густомесовых находится по ул. Луначарского, 13.

матушке и Кате. «Неужели я не увижу их? — говорил про себя о. Григорий. — И как они будут жить?». К сердцу подступала такая боль, что он, цепляясь руками за волосы, надрывно стонал. Прошел час, другой в этих невыразимых муках, и вдруг дверь отворилась. Его выпустили со словами: «Иди домой до завтра. Завтра позовем». В полном недоумении о. Григорий вышел из дома на улицу и попал в густую толпу народа. Здесь его подхватили и, радуясь и плача, довели до дома. Матушка со слезами бросилась к нему.

Что же случилось? Почему его так неожиданно выпустили? Расскажем все по порядку.

л. 57 В ту минуту, как о. Григория увели из дома, матушка послала прислугу к || Яковлевым⁷¹, прося их известить о несчастье семьи коммунистов. Известие дано было и в Собор. Путь батюшки проследили. Люди, по мере того как узнавали о случившемся, бежали в церковь. Народ скапливался. Матушка, между тем, распорядилась, чтобы незаметно следили за домом, где допрашивали Загуменных и, если оттуда батюшку поведут, сейчас же дать знать в Собор. Поэтому, когда о. Григория с допроса вывели под конвоем, следящие поняли, что дело плохо. Побежали в Собор. Оттуда весь народ двинулся к дому Г[устомесо]ва и стали просить выпустить батюшку. К депутатам от верующих присоединились опекаемые братством жены коммунистов. Власть уверты-

л. 57 об. валась, обещала, но толпа росла и не хотела уходить. || Матушка же продолжала действовать: она настаивала, чтобы нашли тех двух красноармейцев, которые обещали заступиться. Те честно взялись за дело. Власть поняли, что ш[адрин]ский орешек съесть нелегко, и на время сдались. Арестованного до завтра выпустили. М[ожет] б[ыть], они рассчитывали, что пыл народа спадет до утра. Они ошиблись.

Доведя батюшку до дома, толпа хотела иметь гарантию, что их любимца не возьмут тайно. Народ не расходился. Пришел к Загуменным сам чекист и просил, чтобы сам батюшка уговорил толпу разойтись. Батюшку послушались, особенно когда он объявил, что будет служить завтра Литургию. После того как все разошлись, о. Григорий с матушкой принесли благодарность Господу и делились впечатлениями дня. ||

л. 58 Была ли у них тревога насчет завтра? Конечно, беспокойство одолевало сильно обоих. Но, щадя каждый другого, таили муку про себя. О. Григорий говорил для успокоения жены:

— За нас Господь, Надя, это ясно. Сегодня мы избавлены им от опасности. Будем не скорбеть о завтра, а радоваться, что видим друг друга. О, как я желал этого, как мучился о том, что не придется тебя видеть.

Матушка плакала, но, желая рассеять скорбь, расспрашивала подробности допроса и, между прочим, сообщила новость.

— Только что тебя увели, я начала прибирать стол и шкаф. Представь, наверху шкафа нашла целую кипу твоих листков. И каких! Я просто омертвела, когда прочла.

л. 58 об. Я тут же подумала: «Дураки || мы, что не уехали».

— Я чувствовал, что ты так скажешь. Но вот что прими во внимание: мы оба проявили какую-то непонятную забывчивость. Я бы, кажется, скорее всего должен был вспомнить, но не вспомнил. Ты могла бы предвидеть, что может быть обыск, но не порылась.

— Ты же мне не показывал этого листка.

---

⁷¹ См.: прим. 3.

— Я и не хочу винить тебя. Я хочу только сказать, что во всем этом видно таинственное влияние. Господь не хотел, чтобы мы ехали, и покрыл забвением этот опасный листок.

— Но тебя же за него привлекают к ответу?

— Что же из этого? Неужели думаешь, что там не пришлось бы за это отвечать? Нет? И там бы отыскали и судили. Так уж пусть взыскивают с меня здесь. Я, как видишь, || за надежной стеной.

л. 59

— Твой чекист, между прочим, выразился так: «Всю Россию прошли и впервые видели, чтобы за попа так заступались».

— Спасибо, конечно, всем, — крестясь, сказал батюшка, — но и ты молодец. Другая бы пала духом и потратила время на слезы. Ты избрала лучшее — стала действовать, и я обязан освобождением тебе.

О. Григорий нежно поцеловал жену. И глаза матушки просияли. Она поняла, что счастье в скорби вернее.

Утром о. Григорий беспрепятственно служил обедню. Несмотря на будний день, храм был полон. Это помогало батюшке владеть собой. Страх парализовался надеждой, что сегодня он будет так же счастлив, как вчера. Он сказал дьякону, чтобы тот || прочел Евангелие о Петре. Это, можно сказать, было сокращенной скрижалю Христовой для Загуменных. Теперь, м[ожет] б[ыть] в последний раз, он хотел слышать провозглашение этой святой скрижали с кафедры.

л. 59 об.

— Ты уж читай погромче, чтобы я слышал, — заказывал он дьякону.

Тот читал Евангелие выразительно, и слезы неудержимо текли из глаз о. Григория. Так глубоко трогали его слова Христовы: «Симоне Ионин, любиши ли мя?»⁷².

Петр был скалой. Потом пал и смирился. Не было уже уверенности в себе, но тем сильнее пламенела в сердце любовь к Господу. Так хочется высказать ее. Сердцеведец знает об этом и дает ученику выразить свое чувство. «Да, Господи. Ты веси, яко люблю тя»⁷³.

— Если любишь, — говорит Христос, — Паси овцы моя. ||

Нужно помнить, что Христос уходит к Отцу. Ученик остается в мире. На что он потратит жизнь свою? Займет ли дни тоской и будет травить рану воспоминаниями прошлого? Или захочет живым восхитить Небо и будет в молитве искать экстаза, видений и предощущений блаженства? Христос знает и об этой склонности человека. Но Ему хочется от любящего ученика не этого. «Иди и паси овцы Мои», — внушает Он Петру. Любовь призывает нас к живому делу, а не замыкается в келье для вскармливания чувств своих.

л. 60

Такими примерно замечаниями сопровождал чтение Евангелия о. Григорий. На момент он почувствовал удовлетворение, что сам пошел в своей жизни этим путем любви, дел и подвига. || Что же видит он в результате? Удовлетвориться ли тем, что его окружает признательность народа, ожидает слава, почитание? О, как далека истинная любовь ко Христу от всего этого. И тут о. Григорий в каком-то экстазе слез и самоосуждения, слушал, повторяя про себя волнующие слова: «Егда бе юн, хождаше, аможе хо-

л. 60 об.

⁷² Ин 21. 15.

⁷³ Там же.

тяше. Егда же состареешия, воздежеша руце твои, и ин тя пояшет и ведет, аможе не хочеша»⁷⁴. Христос пророчествует о Кресте. Да, Петр не избежит его и никто, пребывая в любви, не минует страданий. Жертвенность — закон любви. Но для чего ученикам Христовым предназначен крест? Почему надо им страдать, чтобы спасен был мир?

л. 61 Тут о. Григорий глубоко вздыхал. Ему и скорбно было, и сладко в то || же время чувствовать тайну. Он верил и исповедывал, что по смерти у мучеников силы души раз-вертываются и изливаются на мир вопреки всяким преградам. Не живым, а мертвым при-надлежит осуществление Истины.

Эти думы погасили в о. Григории беспокойство. «Буди воля Божия», — покорно говорил он, принимая от дьякона Евангелие. С этою покорностью в душе и служил о. Григорий вторую половину обедни. Когда службу кончили, посла «оттуда» не было. Он явился на дом к Загуменным, застав близкое им общество за чаем. Владимир Дементьевич⁷⁵ и еще один депутат от прихожан приготовились идти с батюшкой. Посол на этот раз повел их к военному комиссару. Последний принял пришедших вежливо и, усажи-
л. 61 об. вая «гостей», на- || чал беседу самым невинным замечанием:

— У нас с вами, батюшка, произошло маленькое недоразумение.

О. Григорий грустно улыбнулся.

— Какое уж маленькое, с целого слона.

— Во всяком случае, вина падает на вас. Это ваше воззвание? — показал комиссар известный листок.

— Мое.

— Поясните, что заставило вас написать его.

О. Григорий указал на начальные строки воззвания, где были обрисованы дикие насилия большевиков над духовенством при отступлении.

— Мы сознаем, что наши товарищи ошибались. Политика советской власти чужда жестоких насилий.

Владимир Дементьевич и депутат, кстати сказать, бывший судейский, ловко ||
л. 62 об. воспользовались замечанием комиссара и обрисовали положение, что газет давно не читали, судить могли только по тому, что видели. Нетрудно было смешать заблужде-ние или уклон с действительным курсом.

Комиссар терпеливо слушал, но потом, как бы почуяв, что товарищей выдавать «врагам» все же не следует, искусно парировал удар:

— Я сам неверующий, но знаю, что вера запрещает войну. Как же вы, будучи священником, решились проповедовать поднятие оружия?

О. Григорий смутился. Он почувствовал, что был пойман. Нетвердо сознавая наполовину себя виноватым, он отвечал:

— Мне кажется, я войны не проповедовал. Я понимал свою задачу так: не вы-
л. 62 об. зывать войны, но раз || она есть, мы признаем, что оружие м[ожет] б[ыть] извинено⁷⁶ только во имя защиты веры и святых.

— Но мы воюем не за веру и не за святых в вашем смысле. Стало быть, ваше сочувствие на стороне белых?

⁷⁴ Ин 21. 18.

⁷⁵ См.: прим. 3.

⁷⁶ Извинительно.

— О, нет, — быстро отвечал Загуменных. — Многое открылось за этот год. И если бы я поддерживал ту сторону, я не остался бы здесь.

— Белые, значит, вас не удовлетворяют своей политикой.

— Простите, я мало смыслю в политике, — искренним тоном говорил о. Григорий. — Но я видел моральное разложение и в правящих кругах, и в войсках. Я понял, что люди борются исключительно за счастье.

— Вы не хотели бы этой войны.

— Мне думается, оставаясь здесь и поручая себя советской власти, || я уже про- л. 63
изнес свой приговор.

— Это не для всех ясно, — с хитрецей заметил комиссар. — А что, если бы вы, батюшка, компенсировали несколько свою ошибку и написали теперь воззвание к белым, что признаете их сопротивление бессмысленным?

Комиссар словно обрадовался идее и уверенно продолжал:

— Я думаю, что и ваши защитники примут сочувственно мое предложение.

— Если это поможет разрешить конфликт, мы будем рады, — высказался Вл[адимир] Дем[ентьевич]⁷⁷.

— Так как же, батюшка, — обратился комиссар к Загуменным, словно говоря про себя: «Что, попался? Не увернешься!».

О. Григорий ничуть не колебался, хотя и чувствовал, что над ним празднуют победу. ||

— Воззвание я могу написать, как вы хотите.

л. 63 об.

— Ну, тогда представьте мне завтра, и будем считать недоразумение пока исчерпанным.

Комиссар встал, отпуская нас. Радостная волна чувства прилила к сердцу о. Григория. Депутаты благодарили комиссара и точно так же, повеселевшими, выходили с батюшкой на свободу.

Направились в Собор, так как знали, что там ожидает народ. Яковлев⁷⁸ забежал известить матушку. Все крестились, увидя возвращение о. Григория, а он начал сейчас же благодарственный молебен.

— Что, тебя совсем отпустили? — спрашивала о. Григория матушка.

— Не знаю, Надя, но пока — жив. Разве это не милость Божия? Не будем думать о будущем.

---

⁷⁷ См.: прим. 3.

⁷⁸ Там же.